

ГОТОВИМСЯ к полёту. Берём большое количество бомб. Техники и стрелки соседних кораблей помогают нам. Мы в центре внимания всей части. Каждый старается помочь чем может, дать совет.

Экипаж Пусэпа также готовится к полёту. Но он летит во вторую очередь, в том случае, если с нами всё будет благополучно.

Дневной полёт! До чего же привычная картина! Яркое солнце; прозрачный, чистый воздух; хорошая дальняя видимость... Как будто ничего не случилось, и никакой войны! Гудят привычно моторы, не нарушая ритма работы и не мешая течению мыслей. Кажется, что большей тишины во всём мире нет.

Мысли самые сокровенные, планы самые широкие возникают у летчиков в полёте.

Но как отличается этот полёт от полётов мирного времени!

Истребители! С зенитным огнём мы уже познакомились. От прожекторов, как мы убедились, большого зла не бывает, да и уходить от них мы уже умели. Аэростатов заграждения хотя ещё не встречали, но знали, что это за штука. А вот истребители! Это для нас ново. Сколько их будет? Каких типов? Какова их тактика? Отобьются ли наши стрелки? Хватит ли у нас боекомплектов, патронов и снарядов? Вот то новое, что нас встретит! К нему-то, естественно, мы хотели бы быть готовы.

Уже с того момента, как самолёт оторвался от аэродрома, у нас появилась твёрдая уверенность, что до цели мы дойдём и что никакая сила не заставит нас вернуться обратно, не выполнив задания, с таким трудом нами же выпрошенного,

Хотелось только, чтобы «их», т. е. истребителей, было не так уж много, ну примерно столько, чтобы нам хватило снарядов отбиться.

До сих пор основную роль в наших полётах играли лётчики и штурманы. В этом же полёте многое будет зависеть от наших стрелков.

— Ну, стрелки, кажись, сегодня вам будет работа. Внимательно смотрите за воздухом, снаряды экономьте и зря не стреляйте! Чорт знает, сколько их может налететь, а нас-то маловато, мы одни, и надеяться нам не на кого,— сказал, как всегда спокойно, Водопьянов.

— Ничего, не беспокойтесь, товарищ командир, будет всё в порядке,— ответили разом стрелки.

А центральный башенный пушкарь, наш красавец старшина Секунов, добавил:

— Снарядов на всех хватит, пускай только налетят, всех угостим!

Появилась узкая блестящая лента Оки. Наш курс идёт параллельно реке, и там, где Ока делает крутой поворот, уходя на юг, там в углу — цель нашего полёта, оттуда немцы собираются сделать бросок на Москву. Чтобы помешать их злему замыслу, мы во что бы то ни стало должны сбросить свои большие бомбы в указанные приказом места.

Где-то под нами должна проходить линия фронта. В действительности же никакой «линии» нет. Только в прошлых войнах окопы, тянувшиеся на десятки километров, являли собой подобие геометрической линии. «Линия» фронта — это дым, пожары, огни, стрельба. По этим признакам с высоты определяется, что внизу идёт война.

В ночном полёте линия фронта огнями ракет и перестрелок вырисовывается яснее. При проходе над ней экипаж как-то настораживается.

Здесь же днём для большинства экипажа момент пролёта линии фронта прошёл даже незаметно, и только радист Богданов, отстукивая очередную радиограмму, сообщил: «Прошли линию фронта — всё в порядке».

На основании этой радиограммы полковник Лебедев выпустил самолёт лётчика Пусэпа.

Получив сообщение, что еще один корабль поднялся в воздух и идет на эту же цель, мы еще больше приободрились. Пусть он еще далеко от нас, пусть мы его не увидим, но всё же мы уже не были одни. И мы почувствовали себя так, точно нас не два самолета, а очень много, целая армия, и если даже в воздухе мы друг другу ничем не поможем, зато на земле неприятностей немцам наделаем достаточно.

Высота 7000 метров. Тяжело нагруженный корабль лениво, с трудом набирает метр за метром. Хотя высота у нас солидная, но небо-то безоблачное и воздух прозрачен... Мы видим отчётливо землю, и нас земля видит. И кажется нам, что мы всё ещё очень низко летим, и хочется «на всякий случай», про запас забраться чуть повыше на сотню-другую метров.

В углу, образованном рекой, отчётливо виден город. Пока всё спокойно и на земле, и возле нас, и внутри нас.

С северо-востока и северо-запада к городу подходят узкие нити железных дорог. Возле Северного вокзала обе дороги сходятся вместе. Вокзал — цель номер один. Цель номер два — сосредоточенные на одной из площадей города танковые колонны, эту цель нам ещё предстоит обнаружить.

Ну, что ж, начнём по порядку, с цели номер один.

Пока что в воздухе не видно тех истребителей, которые, по уверениям некоторых наших товарищей, обязательно должны нас сбить. Не видно и вспышек от стрельбы зенитной артиллерии, каждый снаряд которой, по заявлениям тех же «специалистов», должен обязательно попасть в наш самолёт.

Возле нас всё спокойно. Но какое-то ненормальное это спокойствие... Должно же ведь начаться если не то, так другое, а то и всё сразу. Уж началось бы скорее, что ли! Яснее будет и проще. Что же фрицы там внизу думают?

Поражённые или возмущённые нахальством экипажа, прилетевшего днём, в ясную погоду, без прикрытия на сильно защищённый пункт, немцы решили проучить нас основательно. Не открывая огня из боязни, что мы уйдём от них раньше времени, впустив нас в самый центр своей противовоздушной обороны, они решили зажать нас в тиски и свалить с первых же залпов.

На большой высоте скорость не чувствуется. Кажется, что висим на месте. Медленно наползает под нами город.

— Лётчики, поверните немного вправо.

— Саша, какую цель будем бомбить первую? — спрашивает Водопьянов.

— На вокзал идём, а оттуда развернёмся влево и пройдёте на юг через город. Да держите же машину поровнее!

— Да ты, Саша, не торопись, целься как следует, мы можем ещё раз зайти.

Через стёклышки прицела вижу медленно подплывающую цель. Правая рука устанавливает на приборе половину серии всех наших бомб. Переношу руку на рукоятку. Дёргаю. С шумом открываются бомболюки. По самолёту загудел сквозной ветер.

В однообразный привычный шум моторов врезался посторонний короткий и сильный звук, похожий на треск дерева. Запахло порохом и дымом. Вокруг самолёта образовалось густое чёрное облако от дыма зенитных разрывов. Над головой что-то треснуло, засвистело и рядом шлёпнулось. В телефонах слышно, как кто-то застал. Кто-то крикнул: «Пожар, горим».

Перевожу ручку прибора на всю серию бомб и быстро большим пальцем накрываю боевую кнопку. Вижу, как цель, качаясь, плывёт в сторону, слева. Кто-то крикнул: «Надо от бомб освободиться!»

Скашиваю правый глаз на борттехников. Бледные, растерянные лица. Богданов протягивает мне прицепной парашют. Возле борттехников и пилотов нет ни дыма, ни пожара. Так и не нажавши, снимаю палец с боевой кнопки. Высота 7300 метров. Температура минус 35. Вытираю вспотевшее лицо и, отстранив Богданова, показываю рукой, чтобы он занял своё место. Осматриваюсь кругом. Самолёт, беспорядочно виляя из стороны в сторону, мотается в густом дымовом облаке. Неровный шум моторов, встряска самолёта, звук близких разрывов, дождь осколков по плоскостям...

Чтобы облегчить маневренность машины и чтобы осколки не попали в ещё не сброшенные бомбы, нажимаю кнопку электромотора и закрываю люки.

— Товарищ штурман, у нас бомбы ещё не сброшены, — нервным голосом кто-то из стрелков предупреждает меня.

— Ладно, знаю. Лётчики, как вы там, живы ещё? Вы бы какую-нибудь систему выработали, а то всё виляете на одном месте.

— Какая тут система! Мосалев, доворачивай туда, где дым погуще, авось за дымом нас не увидят... Как там, Саша, бомбы все сбросили или еще осталось?

— Да нет, Михаил Васильевич, не успел сбросить ни одной. Некуда было бросать. До цели ещё немного не дошли, а потом всё дымом заволкло.

— Ну что же теперь делать будем?

— Пока что маневрируйте от зениток, что-нибудь сообразим.

— Товарищ штурман,— вмешивается в разговор бодрый голос Федорищенко,—я хорошо видел, откуда стреляют, с восточной стороны города. На западе не видно ни одной зенитки.

— Ну, вот и хорошо, это дельное замечание. Лётчики, держите курс на запад, оттуда попытайтесь зайти на свою цель. Богданов, передайте радиogramму на аэродром и на самолёт Пусэпа, что с восточной стороны города сильные зенитные средства.

— Радиостанция не работает, крупным осколком разворочен передатчик,— отвечает Богданов,— вот никак осколок не найду.

Зенитный огонь ослабел. Опять засияло солнце, до этого скрывшееся в клубах дыма. Лётчики держат курс на запад, где, по заявлению всевидящего Федорищенко, у немцев зениток нет.

— Щербаков,— обратился Водопьянов к бортехнику,— как у нас дела с самолётом и моторами?

— У четвёртого мотора давление масла падает. Скоро придётся выключать. В плоскостях и фюзеляже много дырок — небо видно. Рулевое управление в одном месте наполовину подрублено. Думаю, что ничего опасного нет. Да где-то бензином сильно пахнет, никак не пойму

где, вот помощника послал искать. А так остальное всё в порядке.

— В порядке, говоришь, а кто кричал: «Пожар, горим...»?

— Никто не говорил, это я только подумал, когда увидел дым возле самолёта.

— Ну, так в следующий раз потише думай.

Стоя во весь рост в своей кабине, я смотрел на землю и город, оставшийся слева. Я видел ясно свою цель и решал, как на неё удобнее зайти, чтобы не попасть ещё раз в такой переплёт.

— Лётчики, девяносто градусов влево.

Ложусь на живот и, прильнув глазами к прицелу, навожу самолёт на цель. Открываю люки.

— Немного влево. Так держать. Хорошо.

Цель ближе.... ближе.... вот ещё несколько минут, может быть одна или две. Но... машина вздрогнула и... снова началось.

Федорищенко кричит:

— Стреляют только слева. Справа спокойно. Стреляют хуже, чем в первый раз. Ничего. Можно проскочить.

Лётчики инстинктивно отворачивают вправо, а я кричу и должно быть очень громко:

— Взять влево. Держать прямо.

— Саша, ты там поскорей управляйся, а то они уже пристрелялись и чего доброго попадут, — говорит Водопьянов.

Стрелки докладывают, что сильно стреляют, что кругом рвутся снаряды и что мы взяты в кольцо.

В нос бьёт едкий, удушливый запах порохового дыма. Только бы цель видеть, не потерять её за этим проклятым дымом.

— Чуть влево. Так держать.

В телефонах тишина. Хорошо слышны ближние разрывы снарядов. Под углом прицеливания появился большой склад горючего: цистерны, штабеля бочек, сарай, и возле него оживлённое движение и толкучка автотранспорта. Опасаясь, что вот-вот очередной снаряд помешает мне довести самолёт до основных целей, быстро перевожу ручку на четыре бомбы и нажимаю боевую кнопку. Эти теперь сами дойдут куда надо. Не свожу глаз с главной цели — вокзала, до которого осталось несколько секунд полёта.

— Два градуса влево. Так держать. Сейчас всё кончим.

По прямой линии плоского стекла прицела к маленькому кружочку в центре подходит большой вокзал с рельсами, складами, депо, паровозами, составами и перроном. На перроне толпа немцев. Мне кажется, что они, задрав головы кверху и приложив руки к козырькам, смотрят, как их зенитки ловко взяли в кольцо большой многомоторный русский самолёт, который неминуемо должен сейчас, сию секунду развалиться на куски и беспорядочно свалиться на землю; потом раскроются белые купола парашютов, и будут они охотиться за этими белыми куполами, расстреливать вначале в воздухе, а потом на земле большевиков, упорно не пускающих их в Москву.

Секунда... Две... Три... Перрон с группой людей — в самом центре кружочка на стёклышке прицела. Сильно нажимаю кнопку. Прибор щёлкает, отсчитывает десятые доли секунды. Тухнут маленькие сигнальные лампочки на щитке. С каждой потухшей лампочкой, с каждым щелчком на приборе от брюха самолёта отделяются бомбы. Переворачиваясь носом вниз, летят они

на землю и, теряясь из виду, у самой земли взрывом показывают место падения и правильность наводки штурмана. Но штурману сейчас не до этих сброшенных бомб. У него остались ещё бомбы, и на земле осталась ещё цель номер два.

— Лётчики, готово! Сбросил половину. Уходите с манёвром на юг через город, — не отрываясь от прицела, говорю я.

— Товарищ штурман, — кричит Федорищенко, — вон впереди, немного слева, на площади, что у реки, возле моста, что-то чернеет. По-моему, это и есть они самые.

— Товарищ командир, — слышен спокойный голос башенного пушкаря, — с аэродрома предпринимаются истребители.

— Сколько их там?

— Пока поднялись только два звена, но они ещё далеко. Только что поднялись.

— Саша, ты там поторапливайся! — говорит Водопьянов и добавляет: — Если нас собьют, то только ты в этом будешь виноват, и я, пожалуй, откажусь больше с тобой летать.

— Хорошо, через несколько секунд всё будет кончено.

Чёрной лентой через Оку вливается в город автоколонна и своей чернотой заполняет всю площадь.

Зенитная стрельба слабеет и становится всё более неточной. Под нами цепочкой рвутся ряды автоматических батарей; как чёрные мухи, скопились на площади танки и автомашины. Разрывы чёрными шапками ложатся в стороне от нас. Стреляют откуда-то с восточной стороны. Эта стрельба нас уже не беспокоит. Привыкнув к худшему, мы на неё не обращаем внимания.

— Эй, штурман! — подаёт голос молчавший

весь полёт Мосалев, — я тоже с тобой не буду больше летать, если нас собьют.

— Ладно, Петро, помалкивай да держи машину поровнее.

— Проведу как по ниточке, только командуй.

Площадь с чёрными ровными рядами подошла к перекрестию прицела. Нажимаю кнопку. Пошли последние, самые тяжёлые бомбы...

Кто-то из стрелков докладывает:

— Товарищ штурман, все бомбы сброшены, не осталось ни одной, можно закрывать бомболюки.

Это голос подшассийного стрелка Ярцева, которого больше всех задувает из раскрытых бомболюков.

— Лётчики, всё готово, можно маневрировать и домой уходить, — говорю я, закрывая люки.

— Маневрировать пока что не от кого, чтобы домой дойти, давай курс, — отвечает Водопьянов.

— Держите пока что прямо на юг. Когда перейдёте через реку, возьмите на восток. За рекой нас никто не побеспокоит.

А теперь можно и посмотреть, что же мы наделали...

На бензоскладе чёрным дымом клубится пожар и стелется на восток. Площадь тоже окутана дымом.

— Алло, стрелки, как бомбы упали на вокзал — не видели?

— Хорошо упали, товарищ штурман. Серия прорезала пути у самого вокзала.

— Отбомбились по всем правилам, — вставил слово другой стрелок.

— Стрелки, что там с истребителями делается, далеко они ещё и скоро ли начнут охоту за нами? — спросил Водопьянов,

— Набирают высоту и уходят на восток, за реку, параллельно нашему курсу. примерно на высоте четыре тысячи метров, — отвечает один из стрелков.

— На восток уходят? Ну, пускай себе идут, там есть кому их встретить, — сказал Водопьянов.

Мы идём домой. Четвёртый мотор выключен, но на облегчённой машине мало заметна разница, разве только на указателе скорости на десять километров меньше.

Над линией фронта ниже нас на встречных курсах быстро проشمгнула пятёрка наших бомбардировщиков, идущих в ту сторону, откуда мы возвращались.

Богданов сосредоточенно что-то ищет внизу, возле своего места. На лице его появляется довольная улыбка. Вытаскивая что-то из меховой собачьей рукавицы, он показывает мне большой чёрный осколок крупнокалиберного снаряда. Забыв, что включён шлемофон, он громко кричит:

— Вот он, нашёл!

— Где, что нашли? — спрашивает Водопьянов.

— Осколок нашёл, который мне радиостанцию пробил. В рукавицу запрятался, ещё теплый.

В моей кабине большая рваная дырка. Вторая такая же — во внутренней переборке, за которой висит угробленный этим самым осколком передатчик радиостанции. Я завидую Богданову, что ему достался этот большой с немецким клеймом осколок, — он так близко был над моей головой.

Показываю на дырки и говорю ему:

— Слушай, Вася, а ведь по праву это мой осколок, он от меня ближе прошёл, чем от тебя, отдай мне его на память.

— Нет, Александр Павлович, не выйдет. Осколок пробил мне радиостанцию и порвал мне рукавицу, так что по всем законам он мой, судиться буду, но осколка не отдам, я его больше чем полчаса искал.

— Хорошо искать тебе по полчаса, имея свободное время. Выходит, мне ни один осколок так никогда не достанется?

— Ладно уж вам спорить! В плоскостях осколков хватит на всех. А кому не достанется — ведь не в последний раз по нас стреляют — успеете получить, — примирил нас Водопьянов.

Под нами свои. Солнце склоняется к западу. Идём со снижением. Сняты кислородные маски. Тепло. Приятно. Скорей бы домой, а то из-за отсутствия радиосвязи беспокоятся о нас. Приёмник остался цел. Аэродромная радиостанция почти всё время нас вызывает.

Тревожимся за судьбу Пусэпа. Мы ему ничем не можем помочь. Было бы радио в порядке, можно было бы посоветовать заходить на цель с юга, с наиболее безопасного места.

Пересекаем Оку. Слева, далеко на горизонте, проплыл Владимир. Пересекли железную дорогу, а за ней контрольное озеро, от которого уже близок аэродром.

— Щербаков, — обращается Водопьянов к борт-технику, — сколько тебе примерно дней требуется, чтобы залатать все дырки и привести корабль в порядок?

— Дней пять-шесть, если более серьёзных повреждений не обнаружится.

— Два дня на всё тебе за глаза хватит. Чтобы через два дня машина была в порядке, — сказал Водопьянов, зная склонность своего борт-техника к затяжным ремонтам,

— Мосалев, будешь заходить на посадку, не делай крутых разворотов, помни, у нас рулевые тяги повреждены, — напоминает Водопьянов своему помощнику, любителю виражей, от которых голова кружится.

— Есть, заходить на посадку блинчиком, — охотно соглашается Мосалев, довольный тем, что ему доверяют посадить подбитую машину.

Весь полёт длился всего три часа с минутами, а сколько пережито!

Низко над лесом идём на посадку. Я вижу, как летят вверх шапки, машут белыми платками.

Рулим на трёх моторах. Винт четвёртого мотора стал палкой. К стоянке со всех сторон сбегается народ — летчики, техники, штабные работники, тыловики и даже женщины.

Не спеша, быть может, медленнее, чем обычно, на глазах сотни людей — членов нашей большой и дружной семьи — лётчики заруливают на стоянку и выключают моторы.

Наши товарищи тесным кольцом окружают самолёт.

Открыты люки, спущены трапы.

С волнением, ещё не улегшимся после всего пережитого, но внешне спокойные и важные, медленно спускаемся мы по трапу. Град вопросов, поздравлений, тёплые рукопожатия. На наших лицах улыбки, как бы говорящие: «Вот видите, как всё это просто делается».

Скептики — противники дневного полёта, — рассматривая самолёт, сразу же приступили к подсчёту пробоин. Послышались восклицания: «Большая! Сверху ударило! Прямое попадание! Одна, две, три... семь... десять... двадцать три...»

На командном пункте полковник Лебедев, пожав нам руки и поздравив с благополучным прилётом, приступил к допросу.

— Ну как, Михаил Васильевич, жарковато было?

— Да, немного досталось.

— Какие результаты?

— Все бомбы положены точно в цель, возникли пожары.

— Да нет, я не о том спрашиваю, какие трофеи привезли с собой?

— Десятка три пробоин. Один мотор, радиостанция и рулевая тяга. Через пару дней корабль войдёт в строй. А как дела у Пусэпа? — в свою очередь спросил Водопьянов.

— Примерно такие же. Отбомбился под жестоким обстрелом, имеет попадания, а сейчас тянет благополучно домой на трёх моторах. Что у вас случилось с радиостанцией, почему связь оборвалась?

— Осколком килограмма в два разворотило передатчик.

— Наделали вы дел с вашим осколком. Мы здесь вас уж было похоронили. Узнав, что связи нет, главный штаб приказал прекратить дневные полёты: хватит, мол, с вас и ночной работы. А как с истребителями, не встретились?

— Шестёрка поднялась с аэродрома. Не успели ли они набрать высоту или же отвлеклись кем-нибудь другим, но с нами так и не встретились.

— Не любят они большой высоты. По низам больше привыкли шнырять, стервятники. На наших высотах пока что истребители не страшны.

— Поэтому и жаль, что запретили дневные полёты. На наших кораблях днём можно большие дела делать.

— Удивляюсь я тебе, Михаил Васильевич. Полный самолёт осколков привёз, почитай на решете прилетел, и ещё говоришь, что жаль.

— Да ведь все эти неприятности — осколки, дырки, мотор и прочее — от нас самих зависят. Виною наша неосведомлённость, горячность и неопытность. Знай мы заранее расположение ПВО, могли бы так обойти и сделать такой заход, что без единой царапины отбомбились бы и невредимыми домой вернулись. У меня сейчас все стрелки знают, как и откуда надо на эту цель заходить. И если бы нас ещё раз послали, то можно гарантию дать, что корабль домой вернулся бы без повреждений.

— Ну вот, дождёмся Пусэпа, посмотрим на его корабль, и сделаем выводы, — ответил Лебедев и отправился на аэродром встретить самолёт Пусэпа, в это время заходившего на посадку.

Получив подробное донесение, главный штаб решил всё же временно от дневных полётов отказаться.

Решением командования больше всех остались довольны наши жёны.

Улыбаясь, сказала жена Пусэпа Фрося:

— Ну що, хлопцы, получили чего просили?

— Тоже нашлись герои, — добавила моя жена. — Еще успеете шею себе свернуть. А то захотели быть умнее всех. Днём полетим, — язвила жена, — ну вот полетели, а теперь сидите неделю, залечивайте раны.

— Тю, дурни, — сказал Пусэп, — да вам разве не всё равно, когда мы летаем? По-моему, даже лучше, если бы днём работали, а ночью вместе были.

— Так, хлопцы, не будет дела. Лучше мы как-нибудь потерпим до конца войны, та будем спать одни, лишь бы вы живы остались, — сказала Фрося.

— Нароботаешь днём много, как же! Когда вас дома нет, только то и знаешь, что в окно заглядываешь... а не летят ли наши? Ночью поспишь

часок-другой и забудешь про вас, как вы там летаете,—сказала моя жена.

— Придётся эвакуировать вас в глубокий тыл, чтобы не переживали за нас,—сказал я.

— Э, не будет дела,—в один голос сказали обе,—пешком придём обратно, а от вас не отстанем.

— Ну, ладно. Больше днём летать не будем и вообще вашего совета будем спрашивать,—пошутил Пусэп.

— То-то, всегда нас слушайтесь, и всем будет добре жить.

Придя к обоюдному согласию, обе стороны разошлись в разные стороны.

Погода испортилась, и никто не летает. Наши экипажи залечивают раны, полученные самолётами в дневном бою. Работа идёт дружно. Мы не хотим отстать от своих товарищей по числу боевых вылетов.

12

ПОСЛЕДНИЕ числа октября.

На нашем аэродроме оживление. Часть кораблей сегодня улетает на один из подмосковных аэродромов, а оттуда на Берлин. Среди них наши близкие приятели. Мы, остающиеся на самолетах с малым радиусом действия, остро завидуем нашим друзьям.

Нам приказано снова бомбить военные объекты немцев в Орле.

Борттехник Щербаков перед полётом обратился ко мне:

— Послушай, Александр Павлович, нехорошо как-то получается. На всех самолётах экипаж как экипаж — по одиннадцать человек, а у нас лишний стрелок, да еще говорят, с нами какой-то корреспондент полетит,

— Ну, и пусть себе летит. Места хватит, не мешает ни тебе, ни мне.

— Помешать-то он, может, и не мешает, а только когда на борту самолёта тринадцать человек, так, прости меня, старого человека, я как-то себя не в своей тарелке чувствую.

— А ты об этом не думай, вот и будет у тебя и своя тарелка и всё остальное в порядке.

— Не могу я об этом не думать. Как посмотрю на него — перед глазами и стоит эта цифра.

— Напрасно ты, Иван Иванович, забиваешь себе голову всякой чепухой. Мало у тебя работы, что ли? Лучше бы за делом следил да порядок на корабле навёл.

— Дело делом, а всё-таки я прошу тебя, скажи Водопьянову и посоветуй одного человека оставить сегодня на земле. Прямо работать не могу, как вспомню эту чортову дюжину.

Хорошо понимая, что всё это глупости, я все-таки решил успокоить Щербакова и поговорить с Водопьяновым.

Водопьянов сидел на двухтонной бомбе, курил папиросу и беседовал с тем самым корреспондентом.

— Михаил Васильевич, — отвёл я его в сторону, — сегодня на полёт у нас набирается тринадцать человек. Нельзя ли взять ещё одного пассажира или одного оставить?

— А зачем это нужно?

— Да число тринадцать какое-то неудобное, — ответил я.

Водопьянов посмотрел на меня как на сумасшедшего и так отругал, что я не знал, куда деваться. Сам себя я выругал ещё покрепче. Ну, чего я сунулся с такой ерундой?

За работой, в горячей предполётной подготовке вскоре были забыты и число членов экипажа, и

переживания Щербакова, и моё глупое вмешательство.

Пусэп тоже готовил свой самолёт на ту же цель. В качестве контролёра летел начальник штаба нашего соединения полковник Шевелев.

Всё готово. Докуриваем папиросы, застёгиваем ремни, надеваем унты и с нетерпением поглядываем на часы.

Наконец, мы в воздухе. Самое худшее — взлёт на ухабистом аэродроме — осталось позади.

В углу моей кабины, закутавшись в меха, с большим развёрнутым блокнотом сидит корреспондент. Он напишет о нас статью в газете: «Лётчики полковника Лебедева успешно рубят клешни фашистского краба», или что-нибудь в этом роде.

Я с завистью смотрю на его большой блокнот, по которому уже забегал карандаш, и думаю о том, что вот мне, столько раз летавшему, никогда не удавалось не то что написать, а даже толком рассказать о виденном и прочувствованном в полёте так, чтобы всем было понятно и ясно, в каких условиях нам приходится работать. А он, может быть, впервые попав на самолёт, да ещё в ночной полёт, сегодня напишет статью, из которой уже завтра миллионы узнают обо всём, что было интересного и поучительного в нашем полёте.

Большое дело, когда у человека есть талант. А вот мы, лётчики, умеем только летать. Но зато это дело делаем неплохо. Сегодня мы нашему пассажиру докажем.

При этих мыслях у меня возникает почему-то тёплое чувство к моему соседу, и я подношу к его глазам карту и показываю на озеро, которое мы сейчас пролетаем. Мне хочется, чтобы он понял и оценил, как точно я, штурман корабля, веду самолёт по намеченному пути.

Самолёт с набором высоты наползает на густые чёрные облака. Солнце давно уже зашло. Быстро наступает темнота.

— Михаил Васильевич, нельзя за облаками летать. Потеряем детальную ориентировку. Цели не найдём.

— Ничего, Саша, облака скоро кончатся, вон там впереди что-то чёрное виднеется, это и есть, наверное, граница облачности.

— Федорищенко, смотреть вперёд внимательно, при появлении разрывов или границы облаков докладывать мне.

— Есть, товарищ штурман, докладывать всё, что касается облаков.

Справа, далеко на горизонте, где обрывались облака, чернеет земля. Видны густые артиллерийские вспышки и разрывы зенитных снарядов. Там Тула. Она отражает натиск фашистских зверей.

— Ну как, Федорищенко, не видно впереди конца облаков?

— Нет, товарищ штурман, всё по-старому, ни разрывов в облаках, ни конца облаков не видно.

— Михаил Васильевич, давайте снижаться, да пойдём низом.

— Хорошо, — буркнул неохотно Водопьянов, который не любил полётов под облаками, и, обращаясь к Мосалеву, приказал:

— Давай, Петро, на снижение ве́ди, да поаккуратней в облаках шуруй, поменьше виражи закладывай.

— Есть, аккуратно в облаках шуровать, — бодро ответил Мосалев и, отдав штурвал от себя, направил машину в густые облака, отчего в самолёте и вокруг него стало совсем темно.

Мой сосед закрыл блокнот, сунул его куда-то вместе с карандашом и, пощупав на груди парашютное кольцо, как бы проверяя его наличие,

крепко ухватился за что-то руками, приготовляясь к полёту со «снижением» в облаках.

— Курс! Курс выдержи! Куда ты всё влево забираешь? Что у тебя, левая нога длиннее правой? — кричу Мосалеву.

— Да нет. Одинаковые. Это я немножко зазевался, — виновато проговорил Мосалев, исправляя курс самолёта.

С 5200 метров мы начали снижение в облаках при температуре минус 16 градусов. На высоте 3000 метров началось обледенение самолёта. По кабине застучали срывающиеся с винтов куски льда.

— Мосалев, быстрее снижайся. Чего ты тянешь кошку за хвост? Давай выходи быстрее. У меня все стёкла льдом побьёт.

— Не имею права. Выполняю приказание командира — аккуратно и осторожно шуровать в облаках.

— Ладно, Петро, снижайся побыстрее, а то, чего доброго, ещё без штурмана останемся, убьёт его куском льда, — сказал Водопьянов.

— Есть, быстрее выходить из обледенения, — проговорил Мосалев и пустил вниз машину так, что кругом в темноте всё засвистело.

— Как, Саша, скоро дойдём до цели? — спросил Водопьянов.

— Минут через десять.

Внимательно слежу за температурой и высотой, стрелки которых двигаются в сторону нулей.

— Как же мы будем бомбить? Высота-то у нас будет малая? — спросил Водопьянов.

— Ну, если мы с такой высоты будем бомбить, это ещё хорошо. Я боюсь, что у нас над целью вообще никакой высоты не будет, — ответил я и крикнул Мосалеву: — Петро, давай теперь потише

снижайся, обледенение прекратилось. Скоро конец облакам. Стрелки, смотреть внимательно вниз, искать землю.

— Есть, искать землю внизу, — весело ответил Федорищенко.

Высота 500 метров... 400 метров... Всё так же темно кругом, темно в самолёте.

— М...да... — мычит Водопьянов. — Саша, с этой высоты нам бомбить, пожалуй, нельзя. Подорвёмся на своих.

Меня самого, признаться, мучили сомнения, на какой минимальной высоте у меня не дрогнет рука нажать на боевую кнопку и сбросить бомбы, среди которых половина бомб стокилограммовых и половина двухсотпятидесятикилограммовых. По инструкции наши бомбы можно бросать с минимальной высоты 600 метров. Но инструкция писалась в мирное время. За стокилограммовые я мало беспокоился. Их можно сбросить с высоты 200 метров, и ничего с самолётом не случится. А вот что делать с остальными бомбами, я пока что никак не решил.

Высота 200 метров. Температура плюс пять градусов, но до чего же жарко!

— Вижу землю! — закричал Федорищенко.

— По нас стреляют! — крикнул другой стрелок, Ярцев.

— Так держать. Сейчас разберёмся! — командовал я.

Внизу под облаками кромешная тьма. Земля просматривается только по большому количеству пожаров и вспышек от стрельбы всех родов оружия.

— Ну, Саша, разбирайся что к чему да распоряжайся.

— Всё будет в порядке, Михаил Васильевич, — уверенно сказал я, не имея ещё никакого опреде-

лённого плана действия. Задев за что-то правой рукой, я увидел, что левая нога моего соседа упёрлась в прицел, в самое стёклышко, к которому я сам никогда даже руками не прикасаюсь. Тут я вспомнил, что мой сосед — корреспондент центральной газеты и что он тринадцатый человек на борту нашего самолёта. Мысленно выругал Щербакова — за каким чортом он мне напомнил эту цифру.

— Федорищенко, будешь помогать мне вести наблюдение за землёй. Замечай направление наземной стрельбы. Сейчас куда стрельба ведётся?

— На запад стреляют, товарищ штурман.

— Хорошо. Смотри внимательно и, как только заметишь, что стрельба пойдёт на восток, скажешь мне.

Никаких ориентиров, по которым обычно штурман уточняет своё место и направляет самолёт на цель, не видно. Какие уж тут ориентиры — тут бы хоть землю не потерять из виду!

У меня созрел план: по вспышкам наземной стрельбы определить линию фронта и по ней выйти в район цели.

— Алло, Богданов, свяжись с самолётом Пу-сэпа. Они раньше нас вылетели и уже должны были отбомбиться. Запроси обстановку и как бомбили.

— Товарищ штурман! На земле стреляют на восток. Вот сейчас только перешли линию фронта. Под нами немцы, — доложил Федорищенко.

— Хорошо! Молодец! Из вас, Федорищенко, выйдет большой человек. Мосалев, повернуть вправо на девяносто градусов, да покруче, сколько можно.

— Есть, покруче! — отвечает Мосалев без прежней бодрости в голосе.

Он заметно устал. На крутом вираже он теряет высоту, и я слышу голос Водопьянова:

— Петро, смотри, землю крылом не зацепи. Ты бы возле огней поближе разворачивался, там всё же видней.

— Товарищ командир, — докладывает Ярцев, — по нас сильно стреляют. Возле меня пулевые пробоины в плоскости.

— Откуда и из чего стреляют? — спросил Водопьянов.

— Как линию фронта перешли — со всех сторон бьют, не стреляют, по-моему, разве что из пистолетов.

— А почему же мне ничего не видно? — спросил Водопьянов.

— Потому, что стреляют они не трассирующими, — ответил Ярцев. — Я сам сначала не понимал, пока пули не начали щёлкать возле меня.

Стыдно признаться, но цифра тринадцать не выходит у меня из головы. Злость душит. Где Орел? Куда переместилась линия фронта? Какое сегодня число? Нет, не тринадцатое. Какая температура? Пять градусов. На каком приборе есть ещё эта злосчастная щербаковская цифра?

— Саша, сколько ещё времени предполагаешь искать цель? — спросил Водопьянов.

— Тринадцать минут! Нет! Почему тринадцать минут? Кто сказал тринадцать? Меньше. Сейчас подойдём к цели.

Наклоняюсь к уху корреспондента и громко, но спокойно объясняю ему, что здесь оставаться небезопасно, что пули через кабинное стекло могут убить, и предлагаю ему занять место возле борттехников. Корреспондент охотно ушёл назад и примостился у ног Щербакова. При отражённом свете приборного щитка вижу злое лицо Щербакова, устремлённое на «тринадцатого».

— Товарищ штурман, впереди или стреляет крупная артиллерия, или бомбят, — докладывает Федорищенко.

— Это наши бомбят.

— Товарищ штурман, от Шевелёва получено радио: «Цель видели, бомбили из облаков по расчёту времени. Цель обозначена пожаром».

— Саша, идём прямо на цель, — оживился Водопьянов.

— Видны прожекторы. Стреляют редко. Хорошо идём!

— Ну, теперь давайте соблюдать тишину и порядок. Мосалев, слушать и выполнять мою команду быстро и точно. Держи прямо на вон тот большой пожар. Первый заход сделаем холостой, посмотрим, что к чему, а потом уже начнём работать, — сказал я, не отрываясь от стекла кабины.

Низко лёг луч прожектора, направленный в нашу сторону. Большое зарево как раз в том месте, где нам приказано сбросить бомбы. Его можно взять за точку прицеливания. Другой пожар, поменьше, беру за исходную точку и подсчитываю боевой курс самолёта при бомбометании. Теперь всё ясно!

На земле во многих местах видны вспышки. Огненные струи проходят рядом с самолётом.

— Мосалев, накройся! — кричу я, и машина резким рывком вскочила в облака. — Поверни вправо на девяносто.

Мосалев молча выполняет все мои команды, и на малой высоте в облаках наша тяжёлая машина в его умелых руках послушна.

— Так хорошо, очень, Петя, хорошо, — говорю. — Теперь ещё раз вправо на девяносто и со снижением выходи из облаков. Будем делать коробочку и заходить на цель с курсом сорок пять.

Земля сверкала тысячами огней. Гул наших четырёх мощных моторов хорошо должен быть слышен на земле даже сквозь сильную канонаду. Как только мы вышли под нижнюю кромку облаков на высоте менее 200 метров, сразу же в нашу сторону направились десятки нитей и сотни вспышек.

— Мосалев, накройся.

— Правильно, Саша, — говорит Водопьянов, — уж больно много здесь охотников на нас одних.

— Мосалев, вправо девяносто и со снижением. Веди машину под самой кромкой облаков, так, чтобы голова была в облаках, а ноги под облаками.

— Есть, держать ноги под облаками.

— Вижу огоньки, — сказал Федорищенко.

— Так держать, — подал я команду. — Федорищенко, направляйте самолёт на большой красный пожар, так, чтобы пройти через пожар, который поменьше.

— Надо повернуть влево градусов десять, — ответил Федорищенко.

— Хорошо, поверни, Мосалев, — говорю я, открываю бомболюки и, прильнув к прицелу так, что левым глазом вижу впереди огонь, правым готов его поймать в перекрёстке на стекле прицела.

— Алло, экипаж! Высота у нас малая. Взрывом наших бомб немного тряхнёт машину. Прошу держаться покрепче. Мосалев, как сброшу бомбы и крикну «Накройсь», так сразу бери штурвал на себя и что есть духу тикай в облака, — делаю я последнее наставление.

— Есть, держаться покрепче.

— Есть, в облака тикать что есть духу, — ответил Мосалев.

— Мосалев, чуть влево. Спрячь голову в об-

лака. Так, хорошо. Ну, раз... два... три... Накройсь!

Стокилограммовые бомбы оторвались. Машина резко пошла вверх и скрыла от нас и прожекторы, и вспышки, и красный пожар, на который мы сбросили бомбы. В ту же секунду по самолёту пошёл какой-то треск. Это внизу рвались одна за другой наши бомбы.

Когда треск и тряска прекратились, Водопьянов обратился ко мне:

— Саша, подсчитай точную высоту, с которой мы бомбили. Это и будет минимальная высота по новой военной инструкции.

Однако сделано только полдела. На борту оставались ещё двухсотпятидесятикилограммовые бомбы. С этой высоты бросать их нельзя. Решили сбросить их с большей высоты по световому пятну на облаках или по расчёту времени от хорошо заметного ориентира.

— Алло, Мосалев, набирай высоту пятьсот метров. Разворот стандартный на сто пятьдесят с расчётом пройти над целью.

— Есть, пройти над целью.

— А не маловато ли, Саша, пятьсот метров? — усомнился Водопьянов.

— Поправочный коэффициент на военное время будет для обоих типов бомб одинаковый, и результат получится одинаковый.

— Ну, ладно, тебе виднее, дело штурманское.

— Федорищенко, смотрите вперёд внимательно. Идём на цель. Нам нужно увидеть на облаках светлое пятно от пожара, по которому мы бомбили, и от прожекторов в районе цели. Вы запомнили, откуда прожекторы на нас светили?

— Запомнил, товарищ штурман. Увидим, здесь облака не густые. Сейчас под нами небольшие огоньки, и те просвечивают.

— Товарищ штурман, — сказал Ярцев, — на том месте, где мы бомбили, не один пожар, а три. Когда мы уходили от цели, я ясно видел, как на месте разрыва наших бомб возникло три пожара.

— Хорошо, Ярцев, поправка существенная. Благодарю за внимательность. Федорищенко, учитите это новое обстоятельство. Мосалев, как у тебя дела? Кончил уже свой стандартный разворот? А, быть может, ты не знаешь, что такое стандартный разворот?

— Всё в порядке, штурман. Уже развернулся. Идём на цель. А стандартный разворот знаю. Вправо или влево сорок пять градусов. Одна минута полёта, потом разворот при крене в сорок пять градусов до выхода на курс, — ответил быстро, как на экзамене, Мосалев.

— А вот мы сейчас и проверим, какой у тебя разворот получился. Выйдем на цель — пьёшь мою стопку водки. Не выйдем — я выпиваю твою.

— Выйдем, обязательно выйдем. Смотри же, при свидетелях обещал, считаю за тобой стопку.

— Товарищ штурман, впереди по курсу облака горят, — крикнул Федорищенко.

«Так, хорошо. Пропала стопка», — про себя подумал я и громко:

— Так держать. Смотреть всем вниз и точно заметить наши пожары. Бомбить будем с обратным курсом.

— Александр Павлович, — заговорил Щербаков, — бензина у нас маловато, и до дома ещё далеко. Не забывай, что у нас сегодня нагрузка большая.

— Уж не тринадцатого ли ты, Иван Иванович, считаешь за большую нагрузку, — съязвил я и немного помягче добавил: — Домой дорога короче, дойдём как-нибудь.

На облаках большие светлые пятна. Местами сквозь редкие просветы блеснёт красное пламя. Проекторы зажглись, вспыхнули и зашарили белыми пятнами в облаках. Где-то близко мелькнула огненная струя трассирующей очереди. Всё сошлось и совпало. Под нами была цель, о чём не замедлили доложить всевидящие стрелки.

— Ну, Мосалев, ещё один стандартный разворот, и всё будет закончено.

— Есть, делать разворот. А за это тоже будет стопка?

— Мосалев, мою получишь, — вставил слово Щербаков, — только довези благополучно домой.

— Будете доставлены в целости, Иван Иванович. Какой удачный полёт сегодня, — повеселев, сказал Мосалев, делая в облаках, в густой чёрной темноте, классический разворот.

Три-четыре минуты потребовалось Мосалеву на разворот самолёта. Столько же мне на перерасчёты и все приготовления, связанные с бомбометанием со случайного курса и случайной высоты в облаках по светящимся пятнам.

Открыты бомболюки. Ветер свистит и гуляет по всему самолёту.

— Ну, хлопцы! Держитесь покрепче!

На прицеле установлен угол с поправкой на высоту светового пятна на облаке, и хотя по существу такое бомбометание прицельным назвать нельзя, однако в силу привычки я жду, когда вот это первое световое пятно от моего пожара попадёт в центр визира. Нажимаю кнопку. Считаю отрывающиеся бомбы и кричу Мосалеву:

— Закрываю бомболюки!

Уже совсем лёгкая машина чуть не вертикально быстро лезет вверх.

— Мосалев, меньше угол набора! В штопор свалишься, — предупреждает Водопьянов.

И в это время одна за другой сильные, сильнее тех первых, встряски подбрасывают самолёт.

Всё было окончено. С плеч свалилась тяжесть. Напряжение упало. Чувствовалась усталость.

— Мосалев, курс домой.

— Саша, как домой пойдём, верхом или низом? — спросил меня Водопьянов.

— Наверх нам не пробраться — обледеем. А низом нам нет смысла теперь лететь — и долго и опасно. Полагаю, что самое лучшее в облаках на высоте тысяча метров. И с земли не поймут нас и не обледеем, — ответил я.

— В облаках дорогу домой найдём?

— Что под облаками, что за облаками лететь — разницы большой нет. Всё равно, и там и тут ничего не видно. Как-нибудь домой дорогу найдём, Михаил Васильевич. Радиокompас приведёт точно на аэродром, об этом не беспокойтесь.

— Действуй, — согласился Водопьянов.

Привычным движением работаю радиокompасом, нажимаю кнопки, поворачиваю ручки. Горят зелёная и красная сигнальные лампочки на щитке. Вращаю ручку настройки и устанавливаю её на волну своей станции. Но в наушниках, кроме легкого треска, ничего не слышно.

В чём дело? Что случилось с прибором? Быстро вращаю ручку и устанавливаю на волну самой мощной станции. В нормальных условиях её передачи заглушают даже шум моторов. А сейчас станция еле-еле дышит. Переключатель вправо, вращаю ручку поворота рамки и смотрю на стрелку прибора индикатора курса, которая одна может показать мне истинно верный путь. Стрелка неподвижно застыла на месте в центре шкалы прибора и никаких, даже слабых признаков отклонения вправо или влево не проявляет. Прибор не работает.

Вот так номер! Кажись, мы сегодня, действительно, влипнем. Почему не работает бывший до сего времени в исправности радиокompас? В чём причина? Сколько потребуется времени на устранение неисправности и ремонт прибора? Хватит ли у нас горючего? Но... спокойно, спокойно. Надо сосредоточиться.

— Василий Филиппович, — обращаюсь к Богданову, — проверь антенну радиокompаса. Что-то с ним непонятное творится.

— Антенна радиокompаса перебита у самого основания, работать не будет.

— Вот тебе и тринадцать! — сказал шутя Водопьянов.

— Я вам говорил... Я вам говорил, — быстро заговорил Щербаков, — что-нибудь должно было случиться. Вот и долетались. Бензин на исходе.

— Щербаков! Слушайте меня внимательно и не перебивайте. От вас сегодня я только одни глупости слышу. Если ничего умного не можете сказать, то лучше помолчите. А вам я гарантирую, что кости глупого папаши ваших умных детей будут доставлены на аэродром в целости и сохранности. Михаил Васильевич, всё будет в порядке, сейчас наладим и заставим прибор работать.

— Мосалев, держи курс! Почему машина болтается так, что не поймешь, какой у тебя курс? Веди по ниточке. Да высоту выдерживай.

— Есть, по ниточке вести. Это мы можем. А я думал, что пойдём по радиокompасу, поэтому немножко разболтался, — ответил Мосалев, без тени сомнения в благополучном исходе нашего полёта.

— А ты, Петя, не думай, а работай. Хватит того, что Щербаков думает за нас всех и вот до чего додумался на старости лет.

— Василий Филиппович, — обратился я к радисту, — достаньте изолированного провода метров десять и привяжите на один конец какой-нибудь груз. Будем делать антенну для радиокompаса. Пошевеливайтесь быстрее и приготовьте ножик и плоскогубцы.

— Как же ты, Саша, антенну сделаешь? Ведь её нужно на верх самолёта устанавливать. Уверен ли ты, что прибор заработает?

— Не беспокойся, Михаил Васильевич. Всё будет сделано технически правильно. Даже не думай об этом. Десять минут терпения. Лучше подумай о том, что сегодня твой штурман остался без водки, жульническим путём отобранной у него твоим помощником.

— Если радиокompас заработает, то ты, так и быть, получишь мою стопку.

— Ну, вот и договорились. Давно бы так. Ну, как у вас, Василий Филиппович, всё готово? Идите сюда, ко мне. Вставьте ключ вот сюда, в эту дырку. Выпускайте провод. Смелее, смелее, чего вы с ним нянчитесь? Так. Теперь привязывайте этот конец к стойке, вот сюда. Да не так, вяжите морским узлом, а не бабьим. Второй конец провода у вас зачищен? Нет? Вот ещё растяпа! Зачищайте быстрее, да делайте петельку для присоединения вот к этому болтику. Так, хорошо. Зажимайте гайку посильнее. Готово? Ну, вот и всё. Теперь мы с антенной, и сейчас наш прибор заработает. Вы сейчас, Василий Филиппович, пока что не работайте несколько минут на передатчике. Я вот уточню на радиокompасе направление на аэродром, установлю точный курс, потом уже можете работать, сколько вам нужно.

Включаю прибор. Загорается зелёная лампочка, и стрелка прибора отклоняется до конца вправо. Прибор заработал. Вращаю ручки настройки при-

ёмника и рамки. Перестанавливаю переключатели, регулирую чувствительность и подаю команду:

— Мосалев, доверни вправо десять градусов. С вас, Михаил Васильевич, стопочка!

— Спорить нечего — заработал, а я, признаться, подумывал, что придётся мне на старости лет висеть на парашюте. Молодцы, ребята! Угостил бы хорошо, да сам по стопке только получаю.

— Ничего, Михаил Васильевич. Это дело поправимое, — проговорил Богданов. — В Москву попадём, там будет виднее...

И пошли разговоры, совсем не относящиеся к полёту.

Пришёл в кабину корреспондент. Я усадил его, зажёл свет и, откинув маленький столик, предложил ему под свежим впечатлением написать статью. Но корреспондент писать ничего не стал. Разглядывая щиток с многочисленными приборами, он пытался понять, что к чему, но, очевидно, из боязни показаться профаном стеснялся задавать мне вопросы и многозначительно молчал.

— Мосалев! Что это, чистое небо? Я как будто звёзды вижу? — спросил Водопьянов.

— Облака кончились, — сказал Федорищенко, — видно и небо и землю.

— Небо-то и я вижу, а вот землю, хоть глаз выколи, не вижу.

— Впереди по курсу вижу прожектор! Идём прямо на аэродром.

— Лётчики! Сделайте одолжение Щербакову, не растрясите его костей на посадке, — обратился я к лётчикам, с тайной мыслью заставить их мягче посадить самолёт.

— Не беспокойтесь! Посадим, как на перину, — ответил Мосалев.

— За взлёты и посадки, Саша, не беспокойся. Предоставь это дело нам с Мосалевым решать так, как мы умеем. В этом мы кое-что понимаем. Мосалев, заходи подальше на посадку, — сказал Водопьянов.

— Будет всё сделано, — ответил Мосалев, разворачивая машину и направляя её на аэродром, на котором лежал луч прожектора.

Самолёт с приглушенными моторами, мягко коснувшись колёсами, катится по мягкому полю, вздрагивая на неровностях. Прожектор потух. И снова вокруг нас чёрная ночь. Но мы уже на земле, и теперь нас мало беспокоила и темнота, и всё остальное, что до этого так волновало.

Выйдя из самолёта, я отозвал в сторону Щербакова и сказал ему потихоньку:

— Ваш солидный возраст заставляет меня относиться к вам с уважением, но... как насчёт тринадцати?

— Да я теперь, Александр Павлович, и сам больше не верю, хай ему бис, — виновато ответил Щербаков.

По лесной дороге, в темноте, не спеша, шагаем на командный пункт отчитываться о проделанной работе. Курим и весело труним друг над другом, вспоминая острые моменты полёта.

В столовой, выпив заслуженную третью стопку водки, Мосалев взглянул на Щербакова и сказал:

— Кто говорил, что тринадцать несчастное число? Неверно это... Такого удачного полёта в моей жизни ещё не было. Отныне считаю, что тринадцать самое везучее число.

Но «тринадцатый» забыл о нас — ни в центральных газетах, ни в других печатных органах статьи о нашем полёте не появилось. А мы так её ждали...

НОЯБРЬ. Почти каждую ночь, невзирая на погоду, улетают наши корабли на ближние цели и успешно бомбят немцев, упрямо рвущихся к Москве. Плохой аэродром и тяжёлые взлеты уже никого не смущают. Все привыкли к ним. Даже полковник Лебедев, взмахивая флажком, уже не отворачивается от неудачно взлетающего самолёта.

В эти именно дни двум нашим кораблям с экипажами Водопьянова и Пусэпа приказано готовиться к боевому полёту на город и военный порт Данциг.

Мы перелетаем на один из подмосковных аэродромов, с большой бетонированной полосой, с которой только и возможен взлёт наших кораблей с полной боевой нагрузкой.

В лесу среди высоких сосен небольшой, красивый белый дом — бывший санаторий. В нём размещён лётный состав. В комнатах дорогая мягкая мебель. В библиотеке можно выбрать любую книгу. На стенах картины лучших художников. Рояль, патефон, баян. Народу много. Шумно. Мы жмёмся друг к другу, одичали мы малость там, у себя на хуторе.

Здесь особенно чувствуется горячее дыхание войны. Подмосковное небо день и ночь гудит сотнями и тысячами моторов. Низко над лесом проносятся группы штурмовиков и лёгких бомбардировщиков. Взлетают и садятся непрерывным потоком самолёты всевозможных типов и разных назначений, управляемые и регулируемые чьей-то невидимой рукой. За облаками барражируют истребители.

Доносятся пулемётно-пушечные очереди. Где-то серией рвутся бомбы, стреляют зенитки.

Там, у себя, на своём аэродроме, каждый наш экипаж чувствовал себя силой, способной повлиять на исход сражения. И каждая наша ошибка — невылет какого-либо самолёта на боевое задание, неудачно сброшенные бомбы и т. д., — расценивалась нами как проигрыш того или другого сражения по нашей вине.

Здесь же, растворившись в большой авиационной массе людей, мы чувствовали себя уже большой армией, способной помочь выиграть не только отдельное сражение, но и решительно повлиять на исход войны.

Мы стояли у своих самолётов, настроенные к полёту «хоть к чорту на рога». Ждали приказа на вылет. Небо гудело моторами невидимых за облаками истребителей. Над нами низко с воем проносились на сумасшедшей скорости штурмовики.

Погода была дрянная.

Штурманы определяли горизонтальную видимость в два километра, лётчики же утверждали, что видимость не больше одного километра. Давно уже я заметил, что в оценке погоды между штурманами и лётчиками существуют разногласия. И объясняю это тем, что лётчикам, решающим задачи взлёта и посадки, погода всегда кажется немного хуже, чем штурманам. Вопросы взлёта и посадки штурманов не волнуют, так как их работа начинается только после выхода самолёта за облака. Вот почему для штурманов существенной разницы нет — на один километр видимости больше или меньше.

Из лесу вышла знакомая машина командира и направилась в нашу сторону.

Приказание на вылет или отбой?

Штурманы и радисты решили: «Полетим». Лётчики же, кося взгляд в конец аэродрома,

скрывавшегося в надвинувшемся тумане, думали: «Наверное, отбой будет».

Не выходя из машины, полковник Лебедев сказал:

— Кто хочет в Москву, отпускаю до утра. Завтра всем быть на месте и в «форме».

Решили ехать. Подъезжая к городу, мы увидели на низких облаках отражение огненных вспышек.

Воздушная тревога. Думая, что во время тревоги нас в Москву не пустят, мы пожалели о потерянном вечере. Но у заставы нас никто не задержал, и только въехав в город, мы поняли в чём дело. Один за другим шли трамваи. На проводах сверкали искры и, образуя вольтову дугу, отражались огнём на облаках. Вот что мы приняли за очередной налёт на город. В ресторане много света и шума. Играет музыка. Большинство военных в полном боевом снаряжении. Пришли знакомые артисты. С беспокойством расспрашивают, далеко ли на восток зайдёт немец, и возьмёт ли он Москву. Мы клятвенно заверили, что Москвы немцу не видать и им следует сидеть на месте и делать своё дело. Развеселившиеся артисты исполнили здесь же, в кабинете, какой-то скэтч.

Завыли сирены, и нам, воздушным бойцам, стало на земле как-то не по себе. Вышли на улицу. Где-то стреляли зенитки, шарили прожекторы. А вой сирены будил непонятную тревогу.

Нет, на самолёте, даже в самой гуще разрывов и прожекторов, во сто крат лучше. За привычным шумом моторов ничего не слышно, глаза заняты поисками цели, и посторонние вещи мало беспокоят.

Отбой. Тревога скоро кончилась. В ту ночь немцев не допустили к центру Москвы. Ночевали все по своим квартирам.

На следующий день погода ухудшилась. Снега ещё нет, но в воздухе он уже чувствуется. Землю слегка подмораживает. Стрелки наши во главе с техником по вооружению Бражниковым днём подвешивают бомбы, а вечером после отбоя снимают.

Весь день третьего ноября погода была неустойчивой. То немного прояснится, то снова наплывают облака. Но с полдня экипажи на местах, готовятся к вылету. На аэродроме оживление. Барражируют усиленные наряды истребителей. На старте в боевой готовности эскадрилья истребителей. Ревёт сирена. Воздушная тревога. Эскадрилья взлетает. На её место из леса вырывается вторая эскадрилья. На всех самолётах на каждой огневой точке дежурят стрелки и пушки. Дежурный разъезжает по аэродрому и направляет всех людей в лес. За рекой, у опушки леса, взметнулись клубы дыма и через несколько секунд раздалась взрывы авиабомб. Видать, метили в наш аэродром, да бросили из-за облаков и здорово промазали. Стреляют зенитки. Строчат в воздухе пулемёты и пушки истребителей, и всё это постепенно удаляется куда-то на запад.

Вечереет. Истребители и штурмовики садятся и заруливают в лес. Дневной шум постепенно затихает. Его сменяет ночной шум, неуловимый и неопределённый.

Под Москвой ночь не дарит авиации ни отдыха, ни передышки. Где-то далеко сверкают огни, слышны глухие взрывы и стрельба, и тихо, монотонно урчат моторы. Приближается час, в который немцы обычно налетают на Москву. На-

прыгается воля всей авиации, сконцентрированной вокруг столицы.

Томительно медленно идёт время. Подходит намеченный срок вылета. Из темноты вынырнула машина и остановилась у нашего самолёта. Выходят полковник Лебедев и полковник Шевелев.

Оба полковника без рукопожатий провожают нас в далёкий путь.

Шевелев сказал: «Головы выше! По коням!», а Лебедев добавил: «Ни пуха вам, хлопцы, ни пера».

Можно было думать, что связь между двумя полковниками и нами обрывается до утра, до нашего возвращения из далёкого боевого полёта. Но это не так. Мы знали, что Лебедев и Шевелев будут эту ночь бодрствовать на командном пункте. Они будут следить за нами, переживать вместе с нами процесс полёта и в случае нужды помогут дельным советом.

Экипаж занял свои места, стремянки убраны, люки закрыты. Не спеша, спокойно сдвинулся с места и поплыл в ночную темь самолёт Пусэпа. Ровно, как по линейке, удалялись от нас огоньки его самолёта. Красный... зелёный... белый... и далеко в конце аэродрома, у самой реки, лампочки отделились от земли и медленно поползли вверх...

Наш самолёт, развернувшись носом к реке, побежал вниз по дорожке, все убыстряя свой бег.

У обоих кораблей одно задание — бомбить Данциг. У обоих экипажей на картах одинаковые маршруты в оба конца. Но от прямых линий, проведённых на карте, у обоих самолётов неизбежны отклонения — разные пути могут быть у них. И всё же оба самолёта встретятся в одной точке, сбросят бомбы на одну заданную цель.

Некоторое время наш самолёт шёл на высоте 200 метров под кромкой сплошных облаков. Земля здесь беспокойная. То там, то тут вспыхнет прожектор, лизнёт самолёт, узнает своего и погаснет. Каждый прожектор требовал от нас условной ракеты.

— Мосалев! Давай уходи вверх,—раздался голос Водопьянова. — Так и ракет у нас нехватит.

Мосалев повёл машину с набором высоты в появившееся в это время над нами «окно». «Окно» снизу закрылось и надёжно спрятало нас от глаз с земли. Через 26 минут полёта мы были на высоте 3000 метров. По расчёту здесь, под нами, закрытое облаком небольшое озеро, откуда следует менять курс. Поворачиваем самолёт на запад. Впереди тысяча трёхсоткилометровый прямой путь. По прогнозу его придётся пройти, не видя земли. Ну, что ж, мы и к этому готовы. На лучшее мы и не рассчитывали.

Слева, на юге, далеко на горизонте искрами вспыхивали огоньки. Это Москва отражает очередной налёт немцев.

На самолёте установилась тишина, обычная при перелётах вне видимости земли. Где-то под нами прошла Волга и Московское море. Слева остался Калинин, в районе которого шли ожесточённые бои.

С командного пункта внимательно следят за нашим полетом и довольно часто сообщают по радио наше место по радиопеленгам.

Прошло четыре с половиной часа полёта за облаками.

Высота 6000 метров. Температура минус 30. Холода не чувствуется. Работаю без перчаток.

— Федорищенко! Смотреть внимательно. Подходим к берегу Балтийского моря. Должны быть светомаяки.

— Всё время смотрю, аж глаза болят. Ничего, кроме облаков, нигде не видно.

Стрелка прибора индикатора радиокompаса отошла от правого края и стала на середине. Измеренные высоты двух звёзд и полученный с земли радиопеленг показывали, что мы вышли к берегам Балтийского моря если и не точно в намеченной на карте точке, то где-то близко возле неё.

— Богданов! Давайте радиограмму! Всё в порядке. Следуем к цели за облаками.

— Мосалев! Больше высоты не набирай. Так пойдём.

— Саша! А ведь у нас в задании высота бомбометания гораздо большая указана, — напоминает мне Водопьянов.

— Ничего, Михаил Васильевич! Хорошо, если мы удержимся на этой высоте. Не пришлось бы при этой погоде ещё ниже опускаться.

Впереди и справа от нас ровная снежная поверхность облаков. Слева грядой тянутся высокие кучевые облака, и под ними второй слой низких облаков. По прогнозу здесь три яруса облаков. Похоже на то, что прогноз оправдывается. Однако здесь проходит граница между двумя поверхностями — водной и земной, и могут быть отклонения от синоптических законов. Такие синоптические аномалии я часто наблюдал в Арктике при полётах над побережьем Ледовитого океана. Но нет, этого не случилось.

В душе теплится надежда, что где-нибудь должны же облака разорваться над берегом, и мы, хоть на минуту увидя землю, проверим правильность всех наших расчётов.

А пока что штурман ведёт корабль к невидимой цели, а остальные одиннадцать членов экипажа смотрят во все глаза на облака, чтобы при

появлении чего бы то ни было под ними помочь штурману уточнить место перед целью.

— Товарищ штурман! Вижу огонь! — крикнул Федорищенко. — Вот смотрите — впереди, немного слева, там, где тёмное пятно, мигает огонёк.

— Бывают же чудеса на свете. Саша, это что же за место, где огонь виден? — спросил Водопьянов.

— Морской светомаяк на мысу Кенигсбергского полуострова. От него до цели осталось сто километров. Вот, смотрите, правее от маяка, против луны, блестит дорожка, — это и есть море, и мы сейчас идём точно по своему маршруту, — разъяснил я экипажу.

Огонь маяка скрылся под наплывшими облаками. Но теперь он нам был ненужен — он уже сослужил нам свою службу.

— Мосалев, води машину точно по курсу. От тебя теперь будет зависеть выход точно на цель.

— По ниточке проведу, — как всегда бодро, отвечал Мосалев.

Для всего экипажа наступили напряжённые минуты ожидания, для штурмана же — решающие...

У штурмана есть ещё особая задача. Мало привести самолёт на цель. Надо, чтобы все видели, что бомбы, с таким напряжением переброшенные на большое расстояние, точно попали в цель.

При современной технике опытный штурман может вывести самолёт за облаками в любое место и уверенно сбросить бомбы на невидимую цель. Но хочется своими глазами видеть цель. И я понимаю состояние моих товарищей.

Внимательно изучаю характер облаков и решаю, до какой же высоты надо снизиться, чтобы увидеть цель. Высокие облака в этом районе не

сплошные; значит, не должны быть сплошными и нижние облака.

— Богданов, запрашивайте пеленги через каждые две минуты! Федорищенко, смотрите только вперёд. Остальным — внимание на своих секторах. Мосалев, курс и высоту поточнее выдерживай.

В последний раз перед целью измеряю высоту Полярной. Прокладываю на карте радиопеленги. Все расчёты сходятся в одной точке. Корабль верно приближается к цели.

— Товарищ штурман! Впереди бомбят! — кричит Федорищенко.

— Сколько разрывов?

— Восемь взрывов, один очаг пожара. Мы идём точно на него. Осталось, по-моему, километров десять. Зенитки стреляют. Сейчас появились прожекторы.

— Это бомбит Пусэп, — сказал я. — Молодец штурман Лебедев, справился со своей задачей.

— Саша! Только не торопись! — предупреждает меня Водопьянов. — Далеко летели, так давай и бомбить получше!

— Есть, Михаил Васильевич, сделать получше.

Быстро идём на цель. Вот уже и светлое пятно под нами на облаках виднеется. Минутная стрелка часов пришла к своему расчётному месту... Пеленг, полученный Богдановым, пересекает цель. Пришли.

— Ну, Мосалев! Теперь с левым виражем спираль вниз! Пробьём верхний слой облаков. Они не должны быть толстыми, а там увидим, что делать.

— Есть, спираль вниз и смотреть, что получается, — весело ответил Мосалев и повёл машину вниз.

— Алло, Богданов! Давайте радиограмму: «Пришли на цель. Пусэп отбомбился удачно. Есть пожар, ПВО слабое. Облачность трёх ярусов, с разрывами».

Верхний слой облаков редкий. Пробив его на высоте пять тысяч метров, мы были уже над вторым слоем облаков.

— Вот один прожектор, два, три, — считал вслух Федорищенко. — Товарищ штурман! Облака не сплошные. Есть разрывы. Внизу огни. Город под нами. Вижу реку и море. Пожар в городе. Вот сейчас стрелять начали. Стреляют редко. Можно бомбить и с этой высоты.

— Саша, стреляют плохо, — сказал Водопьянов. — Может, это не Данциг? В половине города огни горят!

— Нет, это настоящий Данциг. А плохо стреляют потому, что ещё не научились. Ведь это их глубокий тыл. Половину города затемнил Пусэп, а вторую половину придётся нам затемнить. Мосалев, так держи! Ровнее. Чуть вправо. Так хорошо. Алло! Сейчас сбрасываю два «саба». Внимательно наблюдайте за пожаром Пусэпа и за разрывами. Эх, чортов прожектор, поймал! Стрелять стали точнее. Мосалев, поверни вправо, спрячься за этими облаками.

Машина сильно вздрогнула от близких зенитных разрывов.

Наползли облака и отделили самолёт от надоедливого прожектора.

— Товарищ штурман, — обратился ко мне Федорищенко, — левее пожара много маленьких огоньков. Это и есть город. Они на улице огни выключили, а в домах кругом всё светится.

— Вижу. Чуть вправо, Мосалев. Держи ровно. Так хорошо. Открываю люки. Отворачивать на-

право на облака. Вот только бы прожектор не помешал. Так... Раз... два... три...

Прожекторы лениво лазали по облакам. Стрельба была жидковатая. Вдруг среди слабых огней незамаскированного города взметнулась цепочка красных разрывов и осветила густо заселённые кварталы города. Все огоньки на земле сразу погасли. Только два огня на месте разрывов третьей и пятой бомбы разбушевались громадными пожарами среди крошечной тьмы. «Всегда мне почему-то везло на тройки и пятёрки», подумал я.

Прожекторы быстро забежали, зенитка зачистила.

Но прожекторы уже бессильны, машина выведена на поверхность мягких, пушистых, теперь таких приятных облаков. А случайные попадания зениток, особенно когда их немного, вещь маловероятная.

— Ну, как, Саша? Замаскировал Данциг? — спросил Водопьянов.

— Замаскировали, товарищ командир. Очень хорошо замаскировали, — поспешил ответить старшина Секунов.

От всех тревог и волнений не осталось и следа. Экипаж на все лады обсуждал преимущества дальних полётов перед ближними, и кормовой стрелок Ярцев долго докладывал, что облака над целью всё горят.

Бодрое и весёлое настроение, обычно сопутствующее удачному бомбометанию, не покидает нас.

Проходим над мысом. Пробиваемся кверху через тонкий слой высоких облаков, поближе к звёздам. Они нам сегодня так нужны: они ведь помогли нам найти цель. Они же доведут нас и домой.

Поворотная точка. Море остаётся сзади, а впереди... четырёхчасовой полёт за облаками при тусклом свете звёзд.

Для штурмана время пройдёт незаметно. Но для всех остальных оно будет тянуться убийственно медленно. И чтобы хоть чем-нибудь заполнить время, люди вынимают термосы и пакеты с ужином и попеременно с кислородом пьют чай и закусывают бутербродами.

Две задачи стояли передо мной на обратном пути — не выйти в район Москвы, где наши «здорово дают», по горькому опыту товарищей, и второе — найти свой аэродром. Казалось бы, очень простые задачи, для решения которых, собственно, и находится на борту самолёта штурман. Но в этих условиях от штурмана требовалась особая осторожность, бдительность и ни на одну минуту не прерываемый контроль.

По всем промерам и расчётам на нашей высоте был сильный ветер слева, и поправка на угол сноса на моём компасе доходила до 20 градусов. Это очень большая поправка, и за ней надо было всё время следить. Мне было не до чаю и не до замёрзших бутербродов.

На корабле тишина и спокойствие. Кто его знает, кто о чём сейчас думает. Но по тому, как напряжённо и точно Мосалев ведёт самолёт, как часто интересуется Водопьянов погодой в Москве, я понимаю, что они думают о том же, чем занята моя голова. Не давая накопиться сомнениям, я подробно докладываю обстановку, планы и мероприятия. В моём освещении всё сводится к тому, что нет никаких оснований для беспокойства.

Очередные измерения высоты Полярной звезды показывают, что мы отошли от своего маршрута к северу.

— Мосалев, вправо десять градусов! Богданов, пеленг давайте!

Так и есть — и звезды и радио показывают, что ветер здесь уменьшился и изменил угол.

Переключаю радиокompас на мощную радиостанцию— слышу любимую песню Водопьянова про Ермака.

— Михаил Васильевич! Переключи свой коммутатор, послушай, какую песню поют!

На радиостанции понимают, что далёким путникам нужна сейчас особая музыка. Включают одну за другой пластинки про море широкое, про Волгу, про бродягу, переплывшего на утлом челне Байкал.

— Мосалев, пять градусов вправо! Высоты больше не набирать. Богданов, пеленги через каждые пять минут требуйте. Да во что бы то ни стало добейтесь получения погоды на аэродромах! Стрелки! Смотреть внимательно. Скоро линия фронта.

— Александр Павлович! — обращается ко мне Богданов, — вот получил пеленг, да что-то большой получается, сейчас запрошу, ещё раз проверю.

— Хорошо, Василий Филиппович! Сейчас я проверю по Полярной.

Что такое? Высота Полярной получилась меньше расчётной. Ветер переменялся, и нас здорово несёт влево, на север.

— Мосалев, вправо десять градусов. Так держать! Богданов, ваш пеленг был правильный. Мы отклонились влево от маршрута. Сейчас исправим и выйдем на свою линию. Спасибо за предупреждение.

В телефон включился Федорищенко:

— Товарищ штурман, проходим линию фронта! Облака горят. Видны вспышки и зарева.

— Хорошо, Федорищенко. Спасибо. Всё правильно. Михаил Васильевич! — докладываю я, — прошли линию фронта с небольшим отклонением влево от маршрута.

— Влево это ничего. Подальше от Москвы пройдем. Так теперь, пожалуй, начнем снижаться? Какая погода на аэродромах? — спрашивает Водопьянов.

— Товарищ командир, — докладывает радист, — вот сейчас получил погоду: на обоих аэродромах сплошные облака высотой двести метров.

— Маловато высоты... Надо начинать снижаться и пробивать облака, — проговорил Водопьянов.

— Михаил Васильевич, ведите машину с небольшим снижением до поверхности облаков. Пробивать же вниз и выходить под облака будем над первым аэродромом по радиокompасу. В другом месте и высота облаков может быть ниже и где-нибудь за бугор можем зацепиться.

Высота полета 3500 метров, температура минус 10°.

Самолет низко, чиркая брюхом по верхушкам, быстро несется над облаками, и кажется, что это не облака, а что мы идем бреющим полетом над снежным полем.

— А как, Саша, радиокompас, надежно работает?

— Надежно, Михаил Васильевич. Да ты сам послушай, как раз сейчас Лемешев поет про тройку почтовую. Это про нас с тобой поет, только у нас четверка...

— Ну, води, Саша! Только смотри не прозевай радиостанции.

В телефонах слышимость нарастает. Музыка гремит все громче. Звенят бубенцы. Цокают копыта тройки по гладкому волжскому льду. И несется по всему самолету заунывная песня ямщика...

Стрелка индикатора радиокompаса задрожала и отвалилась в правую сторону.

— Лётчики, давайте вниз! Радиостанция под нами!

— Мосалев, влево сорок пять с резким снижением! Стрелкам смотреть землю, — раздаётся команда Водопьянова

Самолёт нырнул в облака. Стрелка высотомера быстро падает влево. Скорость нарастает. Самолёт как-то непривычно свистит, рассекая воздух. Высота 2000 метров... 1000 метров... 500 метров.

Началось лёгкое обледенение.

— Потихе снижайся, Мосалев, а то машина развалится. Немного влево доверни. Сейчас впереди должен быть аэродром. Федорищенко, дайте ракету условную на всякий случай, а то вывалимся из облаков, кто-нибудь, не разобравшись, стрелять начнёт.

Высота 300 метров... С винтов оторываются ледяшки и стучат по кабине. Стёкла обледенели, и сквозь них ничего не видно.

— Мосалев, потихе! Ниже двухсот метров не снижаться. Держи снижение один метр в секунду. Так, хорошо. Ещё пару десятков метров снизимся и землю увидим. Федорищенко, откройте окно, смотрите вперёд. Сейчас должны быть огни аэродрома.

— Есть! Вижу огни! Под нами аэродром! — закричал Федорищенко.

— Полный левый разворот вокруг аэродрома, сейчас решим, что делать! Михаил Васильевич! Что будем дальше делать? Здесь сядем или пойдём на свой аэродром?

— А какая погода на нашем аэродроме?

— Да такая же, как и здесь. Мосалев! Отверни влево, куда ты на мачты прёшься! Для того на них и красные лампочки нацепляли, чтобы в темноте не напороться, — ругаю я Мосалева.

— Так тогда зачем здесь садиться? Пойдём уж к себе домой, — сказал Водопьянов, — а на нашем аэродроме радиостанция работает?

— Работает. Вот только радиоконпас замёрз и рамка не вращается, но я думаю, что и с замёрзшим справимся как-нибудь. Мосалев, курс сто шестьдесят, пошли домой. Богданов, сообщите на наш аэродром, что через двенадцать минут будем дома, и пусть готовят прожектор и водку.

— Последнего не забудь передать! — добавил Мосалев.

Замёрзшая рамка хотя и не вращается, но всё же стрелка радиоконпаса ведёт нас прямо домой.

Блеснул луч светомаяка, взвилась ракета. Большой круг над аэродромом.

На аэродроме погасли все огни. В ту ночь мы прилетели последними.

Бодрые и довольные, не чувствуя усталости, с удовольствием шагали мы в темноте по твёрдой земле.

Полковнику Лебедеву была уже ясна работа обоих экипажей из нашей радиограммы и из доклада Пусэпа, видевшего взрывы наших бомб при отходе от цели.

В столовой, низеньком бревенчатом сарайчике, при скудном свете коптилок, за простым, из необструганных досок, столом оба экипажа обмениваются воспоминаниями о прошедших часах в воздухе.

Второй лётчик из экипажа Пусэпа, украинец Макаренко говорит своему соседу:

— Наши бомбы как ахнули в самом центре города, так все огни сразу потухли. А прожекторы как зашарили, а зенитки как застреляли, я аж глаза закрыл.

— Ты, Макаренко, лучше расскажи, как ты закричал...

— Да, закричишь, когда он прямо в глаза ударил и ослепил так, что я даже штурвала не увидел, — отвечает, улыбаясь, Макаренко.

— Мне штурман и говорит: «Мосалев! Снижайся!» Я как загнул виража, да как пустил машину вниз, в облака, так всё и засвистело. А Водопьянов кричит мне: «Мосалев, машину ломаешь». А она только свистит, и ничего ей не делается, и всё кругом темно, темно, а потом сразу земля и аэродром под нами. Здорово вышли, прямо на самую середину аэродрома, — рассказывает кому-то Мосалев.

— Я его всё зову, зову. Прошу, дайте пеленг, дайте пеленг. А он всё не даёт. Потом как затабанит мне быстро. Обожди, говорит, вот отработаю с Водопьяновым, потом тобой займусь.

Уже рассвет, а конца разговорам не видно. Но пришли жёны, увели своих мужей и расстроили хорошую тёплую компанию. Плохо воевать, когда жена рядом — ни тебе посидеть с приятелями, ни тебе наговориться по душам. И кто это придумал, чтобы на войне были жёны рядом с мужьями?

14

КАК ни плохо стреляли пруссаки по нашему самолёту над Данцигом, всё же на следующий день мы обнаружили несколько пробоин и в одном месте повреждение какой-то жизненно важной детали, требовавшей сложного ремонта.

Командира самолёта сильно продуло сквозняком, он заболел и слёг в постель.

А тут ещё борттехника нашего перевели в другую часть. Правда, нам дали первого борттехника Дмитриева. По отзывам, неплохой техник. Он сразу же приступил к ремонту самолёта.

В эти дни вынужденного бездействия Мосалев, Богданов и я ходили вокруг самолёта, лазали внутрь, и казалось нам, что всё делается и слишком медленно и не по-нашему. Мы пытались было даже помочь нашим техникам, но и без нас на корабле было много людей, и мы не столько помогали, сколько мешали.

Командование обещало дать нам на время болезни Водопьянова нового командира, как только самолёт будет готов к полёту.

Но кого? Уж очень мы привыкли к нашему.

Погода была настолько плохой, что с нашего аэродрома не то что боевые корабли, но даже У-2 не мог вылететь. Признаться, мы втайне этому радовались: к тому времени когда будет сносная погода и взлетят боевые корабли, среди них будет и наш.

В те дни каждый из нас стремился не пропустить ни одного полёта, ни одного сражения, ни одной атаки, ни одной разведки.

Хотя наш аэродром и находился далеко на восток от Москвы, но всё же к нам доходили благоприятные вести о том, что возле Москвы назревает что-то новое, что готовятся какие-то события. Никто ничего определённого не знал. Немцы тогда всё ближе подходили к Москве и всё туже стягивали полукольцо западнее Москвы. И, несмотря на это, мы все за судьбу Москвы были спокойны. Даже больше, мы чувствовали и почти были уверены в том, что наше командование готовит немцам возле Москвы какой-то большой контрудар, и мы боялись, как бы этот удар не прошёл без нашего участия. Мы готовы были день и ночь без передышки бросать бомбы на немецкие головы.

6 ноября наш самолёт был готов. Командиром корабля назначили лётчика Пусэпа.

Завтра 7 ноября — великий день для всего народа. С чем мы, советские лётчики, придём к этому дню? Погода стоит всё такая же плохая. Мы же молим всех святых, чтобы командование поручило нам выполнение самого сложного, самого тяжёлого задания, скажем, полёта в ставку Гитлера или что-нибудь подобное.

Никаких указаний на вылет нет. Перемены погоды не заметно. Но экипажи в боевой готовности дежурят у своих кораблей — в десятый раз просматривают, проверяют материальную часть и всё чего-то ждут.

Ура! Приехал полковник Лебедев и передал экипажам: «Ночью предстоит работа, всем кораблям дано задание — лететь в глубокий тыл противника и бомбить Данциг. А сейчас — запускать моторы, выруливать и перелетать к Москве, на второй аэродром подскока, где заряжаться горючим, загружаться бомбами и с наступлением темноты вылетать на боевое задание».

Все повеселели, с песнями снимают с самолётов маскировочные сети и чехлы.

Мимо нашего корабля идут лётчики, приятели Мосалева, до войны работавшие вместе с ним на одной воздушной линии. До сего времени они летали только на ближние и средние цели. Лётчики явно озабочены.

— Эй, вы, каботажники! О чём загрустили! — спросил их задорно Мосалев.

— Да вот увидели твоё веселое лицо, и сразу стало нам грустно, — отпарировал лётчик Родных.

— Может, у вас и карт на дальнюю цель нет, — не унимался Мосалев, — так вы не печальтесь, цепляйтесь к нам поближе, мы вас на буксире до цели и домой доведём.

— Ладно, Петро! Смотри, сам как бы с носом не вернулся, а мы как-нибудь и сами спра-

вимся, — отвечал Родных, удаляясь к своему самолёту.

— Ну, что, Мосалев, отвёл душу? — спросил Пусэп своего помощника.

— Малость отвёл.

— Дмитриев! Как у вас там, всё готово?

— Готово, товарищ командир. Можно запустать моторы и выруливать.

— Смотри, смотри, Мосалев! Как плохо машина взлетает. Это кто же так здорово прыгает? — спросил Пусэп.

— Да это Курбан. Он всегда забирает вправо на самые канавы. А надо левее брать, вон на ту сосну, что стоит на горке, — ответил Мосалев.

— Ну, что ж, кажись всё. Пошли помаленьку, — сказал Пусэп и, сдвинув машину с места, тихо повёл ее к старту.

— Александр Павлович! Что тебе полковник Лебедев говорил? — обратился ко мне Пусэп.

— Сказал, что мы будем взлетать последними и должны будем захватить его с собой, — ответил я, раскладывая свои инструменты по рабочим местам.

На старте — полковник Лебедев с красным флажком в правой поднятой руке — запрещение взлёта.

Открыли передний люк, спустили трап.

Полковник Лебедев вошёл в самолёт и сел в штурманской кабине по правому борту на неудобной и не приспособленной к сидению жёрдочке, наотрез отказавшись от предложенного ему удобного штурманского сиденья.

— Ну, как взлетели наши лётчики? — спросил я полковника.

— Нормально.

— А с земли какими кажутся наши взлёты?

— Ужасными. Я завидую вам. Нам с земли всё кажется гораздо хуже и страшнее.

Здесь же, в полёте, полковник Лебедев разъяснил задачу, которая ставилась нашему экипажу в сегодняшнюю ночь: мы должны будем вылететь первыми в качестве разведчиков погоды, осветителей и поджигателей цели. Задача была ответственной и почётной.

Незаметно прилетели на подмосковный аэродром подскока.

Начинается привычная для всех подготовка большого корабля к дальнему боевому вылету.

Трещат храповики лебёдок, визжат стальные тросы и ролики. Бомба медленно отделяется от земли и поднимается к брюху самолёта, щёлкает замок бомбодержателя, принявшего очередную бомбу в свои крепкие объятия. Гудят моторы бензозаправщиков и по толстым шлангам гонят горючее вверх на плоскость в горловины больших баков, откуда слышно глухое рокотание выливающейся жидкости.

— Стой! Довольно! Давай в следующий бак, — кричит борттехник.

— Крути помалу! Ещё немного. Стой! — кричит техник-вооруженец, регулирующий подвеску бомб.

И для всех этих людей мир ограничен вот этим самолётом. Они не замечают, что погода начинает портиться, что за рекой в лесу рвутся бомбы, сброшенные из-за облаков вражеским самолётом, что гудит за облаками воздух моторами и пулемётной стрельбой. Для них сейчас существует одно: понадёжнее подвесить бомбы и залить горючее по самые пробки. А о том, что предстоит лететь в тёмную ночь, в плохую погоду, куда-то к чорту на кулички, их нисколько не беспокоит.

Мы же с Пусэпом мысленно были уже далеко от аэродрома. Развернув карту, мы переживали предстоящий полёт этап за этапом. Затем, предусмотрев всевозможные варианты, доходили до цели, сбрасывали бомбы и спокойно следовали домой.

Прибыл командир части. Пусэп докладывает, что корабль к полёту готов.

— Ну, если всё готово, то и вылетайте сейчас, — сказал полковник Лебедев. — Пойдёте первыми и будете доносить погоду по маршруту. Остальные корабли вылетят через час, если погода позволит. В случае же очень плохой погоды мы, возможно, ограничимся только вашим полётом. Синоптика же ничего хорошего не обещает: по всему маршруту низкая сплошная облачность, сильный ветер, снегопад с дождём, в облаках обледенение. В районе цели возможны кратковременные разрывы облачности. Ну, давайте, хлопцы, рулите за моей машиной.

Вслед за маленькой четырёхколёсной машиной Лебедева покатилась наша трёхколёсная птица.

У берега реки, где кончается бетонная полоса взлётной дорожки, обе машины остановились.

Записываю в бортжурнал: время 17 часов 30 минут, давление 756 миллиметров, температура минус 3°, ветер 320, 30 км/час.

Полковник Лебедев подаёт сигнал. По движению его губ кажется нам, что он напутствует нас словами: «Ни пуха, ни пера».

Долго бежал в гору тяжёлый самолёт, и казалось конца не будет его разбегу. Тёмный лес впереди надвигался стеной. Глаза зло смотрели на указатель скорости, а правая рука делала судорожные взмахи, как бы пытаясь помочь прибору скорее дойти до цифры 150 км/час.

Упираясь во что-то твёрдое, ноги, выпрямляются, пружинят, руки крепко сжимают какие-то железные предметы, зубы впиваются в нижнюю губу. Трещат ветки верхушек сосен, сбиваемые колёсами. Рывок машины чуть-чуть выше. Колёса поджимаются под брюхо самолёта, и деревья слегка отделяются от самолёта. Сбавлен газ моторам, изменён шаг винта, шум моторов уменьшается и становится ровнее и привычнее.

Прижатые густыми чёрными облаками к самым верхушкам деревьев, начали мы свой полёт в осенний тёмный вечер 6 ноября.

Пламя из выхлопных патрубков мотора зайчиками играет на верхушках сосен. Один мотор изредка постреливает, самолёт вздрагивает.

— Дмитриев! — обращается Пусэп к борттехнику. — Отрегулируй второй мотор.

— Сейчас наладим. Перестанет стрелять.

— Алло! Богданов! — обращается Пусэп к нашему радисту, по совместительству заведующему всем электрохозяйством самолёта. — Почему навигационные огни не горят? Наладить сейчас же, пока по нас не открыли стрельбу свои же зенитчики.

Богданов бросает свою радиостанцию и идёт к электрощитку. Я пробую кнопки навигационных огней, и на плоскостях вспыхивают зелёные и красные лампочки.

— Александр Павлович! Ну как взлёт? Понравился? — спрашивает Пусэп.

— Ничего, Эндель Карлович! Взлёт, как будто бы, нормальный.

— А как с коленками, дрожали на взлёте?

— Немного было, Эндель Карлович, а сейчас уже прошло.

— Вот и хорошо. Как по-твоему, где будем пробивать облака?

— Следуйте под нижней кромкой облаков и при первых признаках разрывов облачности устремляйтесь наверх, к звёздам.

— Ну, счастливого вам пути, действуйте самостоятельно, а я займусь своей работой.

Я рассчитывал вести контроль пути с помощью радио, а позже, когда самолёт выйдет за облака, с помощью астрономии.

Но вдруг совершенно неожиданно самолёт всколыхнулся и бросился в сторону от своего прямого пути.

— Что это? — резко спросил Пусэп.

— Самолёт близко пролетел, — ответил кто-то.

— Алло, стрелки! Смотреть внимательно! Зарядить пушки! Не зевать! — скомандовал Пусэп.

— Пушки заряжены, смотрим внимательно, зевать не будем! Только разве его, чорта, увидишь в такой темноте?

— Алло, Мосалев! Это что, обледенение началось? — спросил Пусэп.

— Да, начинается, но куда это окно делось? Всё было хорошо, а вот сейчас кругом сплошные облака.

— Александр Павлович, какова температура?

— Минус шесть. Полагаю, что большого обледенения не должно быть.

— Богданов, передай на аэродром: «Высота 2500 метров. Сплошные облака. Лёгкое обледенение. Температура минус шесть. Пробиваемся вверх».

— Эндель Карлович, у меня в коде нет «Пробиваемся вверх». Как поступить?

— Что можно — передай, чего нельзя — давай открытым текстом. Дмитриев, включи антиобледенитель на винты. Добавь моторам, — скорее выберемся из этой муры. Мосалев, держи курс точ-

нее, а то штурман в случае потери ориентировки свалит на нас всю вину.

— Ничего, Эндель Карлович! Немножко отклонимся от курса, большой беды не будет. Вы только выбирайтесь наверх, а там поближе к звёздам исправим курс и выведем самолёт куда надо, за штурмана не беспокойтесь.

Наступила тишина. Экипаж напряжённо работает. Труднее всех воздушным стрелкам, на обязанности которых было «смотреть в оба». И они добросовестно пучили свои молодые глаза, вертели головами и пытались хоть что-нибудь увидеть и своевременно предупредить об опасности.

Температура всё понижалась. Пилоты уже натягивали меховые рукавицы и поднимали воротники. Кстати, по моим наблюдениям, раньше всех начинают мёрзнуть пилоты, они усиленно утепляются, когда ещё стрелки голыми руками сжимают рукоятки пушек, держа пальцы на спусковых курках своего оружия.

Вот и теперь наши стрелки не замечают десяти градусов мороза.

По выражению лица Богданова, освещённого светом ламп радиостанции, по его гордой позе, уверенным движениям можно было догадаться, что дела у радиста идут отлично. И если нельзя было утверждать, что у него установлена радиосвязь со всем миром, то наверняка можно предположить, что он уже знает всю биографию радиста, с которым сейчас держит связь, называет его по имени. Теперь ему ничто не помешает держать радиосвязь во всё время полёта.

Когда у человека дело спорится, настроение должно быть хорошее. И нашего радиста мало трогает, что самолёт леденеет и идёт в густые облака, что где-то рядом шныряют немецкие самолёты. Что ему до всего этого, если у него нала-

жена крепкая связь! Он всё узнает — и погоду, и что сегодня делается в Москве, и кто из радиостов дежурит на радиоузле.

Установив связь с радиопеленгаторами, Богданов подаёт мне клочок бумажки с координатами нашего места по засечкам пеленгаторов.

Посмотрев на координаты, я красным карандашом пишу: «не верно», и возвращаю бумажку Богданову. Я вижу, что он на своем ключе говорит что-то злое, вроде «Эх, вы, растяпы, мы здесь в облаках в холоде ориентируемся лучше, чем вы в тепле и под надёжной крышей. Если вы и дальше будете нам так помогать, то лучше мы как-нибудь одни обойдёмся, без помощников».

Вскоре он получил верные координаты с тысячью извинений.

Прошло тридцать пять минут со времени взлёта. Ни одного огонька на земле, и ни одного даже клочка чистого неба! На высоте 3500 метров мы вылезли, наконец, из облаков. Температура минус 12, но я, так же как и наши стрелки, занятый своей работой, не замечал холода. Не заметил бы я и того, что самолёт вышел из облаков, если бы не голос Пусэпа, по тону которого можно было понять, что обстановка изменилась к лучшему.

— Что, Эндель Карлович, выкарабкались уже из облаков? — спросил я.

— Да, Александр Павлович, теперь можешь и к курсу придирааться и звездами заниматься. Пойдём до линии фронта с набором высоты, а там дальше немного снизимся и будем кислород экономить. А сейчас приготовить кислородные маски всему экипажу.

Южная часть неба сверкала разрывами зенитных снарядов. Местами сквозь редкие облака пробивались снопы прожекторного света. Облака

обагряться отблесками разрывов авиабомб. Небо прямо горело.

— Это что же, немцы на Москву налетели? — спросил Пусэп. — Но почему всё это так близко? Неужели мы так отклонились к югу от маршрута, Александр Павлович?

— Всё в порядке. Идём по своему маршруту. Видно, немцев к Москве не пускают, вот они и шныряют в северной части Московской области. Следите за воздухом! Как бы нам не напороться на какого-нибудь фрица...

Внезапно сильным вихревым потоком самолёт резко качнуло в сторону.

— Стрелки, не зевать! Мосалев, давай курс кверху! Дмитриев, добавь моторам. Богданов, сообщи, что немцы летают на высоте 4500 метров, — давал команды Пусэп.

Руки делали своё привычное дело, но глаза были прикованы к той стороне, где небо сверкало и горело.

Машину ещё раз сильно трянуло. Мосалев, всегда отличавшийся спокойствием и хладнокровием, инстинктивно нажал правую ногу, с намерением уйти на север, подальше от опасности.

Однако удлинение маршрута в самом начале полёта в штурманские расчёты не входило. Впереди далёкий путь, и кто знает, сколько нам придётся ещё делать извилины и отклонений.

Говорю Мосалеву возможно мягче: укороти, мол, правую ногу и следи за курсом.

— Да это он так, качнуло его, вот он и сошёл с курса, — виновато ответил Мосалев, доворачивая самолёт на заданный курс.

— Почему тебя влево не отклоняет, а всё больше вправо? Вот я думаю, что у тебя правая нога длиннее левой.

— Горит, горит! — закричал кто-то из наших стрелков. — Товарищ командир, горит немецкий самолёт слева от нас, смотрите скорее, вот уже входит в облака!

Большим метеором, разбрызгивая в стороны огненные клочья, валился в облака фашистский самолёт. Облака осветились красным светом и вскоре потемнели.

— Так, есть один, — весело сказал Пусэп, — а ну смотрите, может, который ещё свалится?

Ну, теперь у наших лётчиков есть работа — пусть считают сбитые самолёты, а для меня наступило время уточнить своё место. Я оборачиваюсь к радисту, чтобы получить пеленг и координаты нашего места. Но Богданов сидит как-то непривычно прямо и обеими руками прижимает телефон к ушам. Сквозь кислородную маску не видно выражения его лица, но по напряжённой позе чувствуется, что происходит что-то серьёзное, и мешать ему сейчас нельзя. Отняв правую руку от телефона, он берёт карандаш и что-то быстро записывает на белом листе бумаги.

Ну, думаю, было бы у радиста что-нибудь для меня, то сообщил бы. Займусь пока собственной радиопеленгацией. Включаю радиополукомпас.

В эфире непонятный ералаш. На наших станциях, которые мне нужны для пеленгации, какие-то кофейные мельницы и создают такой скрежет, визг и треск, что не то что пеленговать, — понять ничего нельзя. Немцы создают помеху. Почему раньше этого не наблюдалось, а сегодня чорт знает что творится?

Ищу в другом месте. Настраиваюсь на одну из наших восточных станций. Но что это, что это? Слышу — знакомый, такой знакомый голос, спокойная речь. Быстро переключаю свой коммутатор и кричу:

— Эндель, переключись на мой приемник, слушай доклад товарища Сталина.

Смысл речи ещё не доходил до моего сознания. Но самый звук голоса, близкий, отчётливый, из тысячи голосов отличимый, так подействовал на меня, что тревога улеглась. Опасения отпали, и все мелочи, сопутствующие нашему сложному полёту, отошли куда-то, и погода даже как-то стала лучше — в ночной тьме стало светлее, на большой высоте теплее.

Самолёт идёт спокойно, курс ровнее. Мы уже не одни среди грозных, тёмных облаков и шныряющих кругом фашистских стервятников. С нами Сталин, вот здесь, рядом, его голос предельно ясно слышен.

«Где Сталин делает доклад? Неужели в Москве?» И я смотрю в левое окно, где небо все ещё сверкает зенитными разрывами.

Доклад окончен. Не дождавшись конца аплодисментов, бурей врывавшихся в телефон, переключая свой коммутатор и спрашиваю радиста:

— Василий Филиппович, откуда Сталин говорил?

— Из Москвы, — ответил Богданов.

В телефоны сразу заговорили те, кто не слышал Сталина, просят рассказать содержание доклада.

Взялся за это Пусэп.

— В своем докладе товарищ Сталин сказал, что немцы сейчас стали походить больше на диких зверей, чем на людей, и что история не знает случая, когда зверь победил бы человека. Так будет и на этот раз. А теперь, ребята, давайте работать. Штурман, как там у нас дела? Не сбились ещё с пути?

— Нет, Эндель Карлович. Теперь уже не сбьёмся.

— А землю хоть изредка видишь?

— Земли не видно. Да это и не важно. У меня столько всяких средств для ориентировки, что и без земли обойдётся.

— Ну, ладно, действуй. Мосалев, больше высоты не набирай. Довольно. И так высоко забрались.

Высота 6300 метров. Температура минус 30 градусов. Над нами чашей звёздное небо.

В районе Калинина изредка видны на облаках красные пятна. Жестокая борьба должна быть, если сквозь толстый слой облаков к нам доходят отражения пожаров и взрывов!

Линия фронта со всеми её опасностями пройдена. Самолёт идёт со снижением, и уже на высоте 4000 метров весь экипаж снял кислородные маски и кое-кто даже принялся за ужин. Снимаю с радиополукомпаса пеленги, принимаю от Богданова записки с пеленгами земных пеленгаторов и всё это наношу на карту, сравниваю, уточняю, исправляю и стараюсь возможно ближе к намеченной на карте линии вывести наш самолёт.

Моя кабина освещена синим светом, и только стрелки приборов, застывшие на одном месте, блестят белыми тонкими полосками. Катушка компаса равномерно колеблется, два градуса вправо, два влево — самолёт идёт под управлением автопилота.

Работаю стоя. Столик и сиденье завалены картами, журналами, таблицами, линейками, карандашами и прочими мелочами. Привычка работать стоя выработалась у меня ещё при полётах на летающей лодке «Консолитейден», на которой в штурманской кабине возле большого морского типа стола не полагалось кресла. Приходилось простаивать по двадцать часов в беспосадочном полёте.

Тишину лишь изредка нарушаю я, объясняя экипажу обстановку полёта, да Пусэп своими распоряжениями прерывает дремоту борттехников.

А в остальном, можно сказать, на самолёте царит полный покой.

Прошли 800 километров. Полёт длится свыше трёх часов. Мы проходим район Двинска, где есть много крупных ориентиров всех родов. На этот район я возлагал большие надежды. Напрасно, облака скрывают и землю и небо. Дальше на запад, до самого моря, ни одного ориентира.

Но вот оборвались верхние пушистые облака, показались звёзды, луна. На ровных низких облаках тень самолёта побежала перед нами, как бы указывая путь следования.

Прошло четыре часа полёта. Облака во все стороны от нас, и нигде ни одного пятнышка, ни одного разрыва. Что делается внизу? Найдём ли цель?

Пусэп заводит разговоры с борттехниками насчёт остатков горючего и работы моторов. И хотя он обращается только к борттехникам, но я знаю, что всё это относится и ко мне — смотри, мол, штурман, не ошибись, не напутай.

Наступает самая ответственная пора. Приближается невидимая точка, от которой следует менять курс самолёта и выводить его на цель.

Пользуюсь всеми средствами и способами самолётовождения, вплоть до самого сложного — воздушной астрономии. Измерена высота по Полярной звезде, отсчитаны радиопеленги на европейские станции, проложены на карте пеленги земных пеленгаторов. Хотя по всем данным получается, что самолёт отклонился к югу от своего маршрута, но нет ещё пока оснований для беспокойства.

Все ближе Балтика. Меняем курс. Остаются считанные минуты полёта до цели.

Вспоминаю признаки, по которым я когда-то в Арктике умел распознавать за облаками границу берега и моря. Но тщетно! Там был день, а здесь ночь, и облака ровные и одинаковые, что над землей, что над морем.

Как не хочется бросать бомбы из-за облаков, не видя цели! Сам-то я ещё могу быть уверен в том, что хоть часть наших бомб упадёт на цель, но экипаж? Ни один из них ничего не скажет штурману, но в душе каждого останется неприятный осадок от такого бомбометания, и виновником его буду только я.

Лётчики, чувствуя приближение к цели, ведут самолёт с набором высоты. А у меня уже созрел план пробиваться в район цели вниз, в облака, и, вызвав на себя огонь зениток, окончательно уточнить своё место и самую цель. Но как сказать об этом лётчикам, чтобы без лишних объяснений они перестали ползти вверх?

— Мосалев, погоди немного высоту набирать, у меня кислород не в порядке.

— Хорошо, Александр Павлович! Больше вверх не будем, — ответил Пусэп и добавил, — ты занимайся своим делом, а кислород тебе наладит борттехник.

— Не надо техника, мешать будет, доверните вправо десять! Кислород сам налажу.

Точка на карте приближается к цели. Мне становится всё теплее и теплее. Капельки пота скатываются из-под мехового шлема и падают на стекло авиасекстанта.

Справа на белом облачном поле виднеется какая-то тёмная полоса. Ну, так и есть. Это разрыв в облаках,

— Стрелки! Почему не докладываете, что делается снаружи? Дремлете, небось?

— Да ведь докладывать нечего, товарищ штурман, всё без перемен.

— А что случилось, что докладывать надо? — спросил Пусэп.

— Справа вижу разрывы в облаках, те самые разрывы, о которых мы мечтали, а наши стрелки прозевали.

Полоса разрывов, идущая справа под углом к нашему курсу, всё ближе и ближе. И вот я уже вижу, мигает огонек, и несколько в стороне ещё такой же огонек — береговые маяки!

На душе становится спокойнее. Для окончательной проверки и уверенности беру ещё раз высоту Полярной и, рассчитав широту места, приступаю к ориентировке по земным ориентирам.

Вот и граница облачности. Внизу чернеет земля, сереет берег, вьётся речка.

Цель под нами! На обоих берегах реки и на островах, образуемых речными протоками, густо сверкают огоньки.

Только три ночи прошло с тех пор, как мы были здесь в последний раз и сбросили бомбы на эту же цель, а они опять сидят с зажженными огнями. Придётся им помочь затемниться.

По конфигурации реки и месту наибольшей концентрации огней намечаю три объекта, на которые сейчас начну бросать бомбы.

— Александр Павлович! Как у тебя с кислородом, в порядке? Может, ещё высоты наберём, а то как бы нам на аэростаты не напороться? — говорит Пусэп.

— Не надо больше высоты! Вправо двадцать! Аэростатов здесь нет. Если бы были, так город затемнили бы, — сказал я, устанавливая исходные данные для бомбометания.

— Что же они огней не тушат и не стреляют? Может, это не Данциг? — усомнился Пусэп, как в прошлый раз Водопьянов.

— Данциг! Данциг! Товарищ командир, это наша цель. Я хорошо её вижу, — быстро проговорил Федорищенко.

Прильнув глазом к прицелу, держа большой палец правой руки на боевой кнопке, спокойно и тише обычного подаю лётчикам команду, навожу самолёт на самый центр огней на левом берегу реки.

Только бы не потушили огней раньше времени.

Нажимаю кнопку. Восемь бомб одна за другой отделяется от самолёта.

— Вправо девяносто! Возможно быстрее! — подаю команду в надежде сбросить бомбы на другой объект до того, как внизу погаснет свет.

Быстро одна за другой рвутся бомбы, вспыхнул, разгораясь, большой пожар. В этом месте гаснет электричество.

— Загорелось! Пожар большой! — кричит кто-то из экипажа.

— Так держать самолёт! Ровнее держите, не болтайте, сейчас ещё бросаю.

В кружок прицела вошла вторая цель. Нажимаю кнопку—падают бомбы. Вспыхнул прожектор, и ещё один, и ещё несколько. Засверкали вспышки зениток снизу и разрывы снарядов возле нас.

— Хорошо бомбим! Отлично бомбим! — кричит Мосалев, которому сквозь раскрытые бомболюки видно всё, что делается внизу.

— Стрелять начинают крепко, — говорит как бы про себя Пусэп. — Александр Павлович! Ну как, всё закончил, можно топать?

— Сейчас, Эндель Карлович, заканчиваю, вот только сбросим на правый берег, где ещё элект-

ричество горит, потушим его и тогда можно домой идти.

Чернеет левый берег. Стреляют зенитки. Шарят по небу прожекторы. А правый берег освещён так, что ясно кварталы вырисовываются. Ещё бы несколько секунд потерпели! Я вспоминаю план города, изученный мною перед полётом. Так и есть. Здесь рядом завод и электростанция.

Ну, теперь можете тушить, бомбы найдут свою цель и в темноте.

Свет внизу погас одновременно с разрывом бомбы, и настолько быстро, что все стрелки на самолёте в один голос закричали:

— В электростанцию попал. Ну, теперь затемнили!

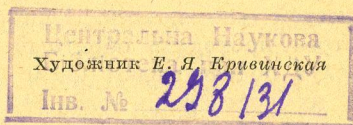
С падением последних бомб вся ПВО Данцига была пущена в ход. Стрельба поднялась жестокая. Прожекторов появилось так много, что они местами создавали сплошные световые поля. Но нам в ту ночь просто везло. Безнаказанно, спрятавшись за ближние облака, помаленьку мы пошли домой.

Истекал шестой час полёта. Попутный ветер помогал быстрее проходить обратный путь.

Стрелки вслух подсчитывают число пожаров и взрывов. По их подсчётам, пожаров, прожекторов и зениток получается больше, чем я видел. Но это уже обычное, присущее всем стрелкам. У себя в бортжурнале я записал только то, что сам видел, что сам подсчитал, как в вахтенном журнале Витуса Беринга, на лицевой стороне которого было написано: «Пишем, что видим, чего не видим, того не пишем».

Долго ещё после отхода от цели на облаках отражалось зарево пожара от наших бомб. Но потом зарево скрылось, и мы остались одни над безбрежным океаном.

На корабле установилась тишина. Страсти осты-
ли. Каждый занимается своим делом. Кому не-
чего делать — пьёт чай или думает о чём-нибудь,
предвкушая радость посадки на своём аэродроме,
праздничный ужин в столовой, оживлённые рас-
спросы товарищей... Все спокойны и уверены, что
самолёт придёт на свой аэродром. Для нас, по-
лярников, ледовых разведчиков, война станови-
лась уже привычной работой.

Редактор *Е. Р. Рамм*
Технический редактор *Е. К. Коновалова*
Корректор *В. Я. Плэтникова*

Г800467. Подписано к печати 14.5.45 г.
Изд. № 125. Объем 4½ п. л.
5,88 уч.-авт. л. В 1 п. л. 48 000 тип. зн.
Заказ 125

1-я типография
Управления Воениздата НКО
имени С. К. Тимошенко

